

Лоснов П. Н.

***Невыдуманные
истории***

(сборник рассказов)

Автор искренне признателен всем, благодаря кому этот сборник увидел свет: региональному отделению партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Мурманской области и лично Александру Геннадьевичу Макаревичу, Наталье Николаевне Чесноковой, первому заместителю председателя комитета по культуре Государственной Думы РФ, депутату фракции СР Елене Григорьевне Драпеко и известному своими добрыми делами мурманчанину, патриоту Кольского края Юрию Васильевичу Задворному.

Автор этого сборника Павел Николаевич Лоснов – кадровый офицер, полковник в отставке.

Родился он в деревне Анискино Пестяковского района Ивановской области в беднейшей крестьянской семье, насчитывавшей 10 детей.

С 6 ноября 1943 по 15 декабря 1971 года служил в Советской армии. В 1951 году окончил по первому разряду военно-инженерное училище по специальности «строительство и эксплуатация дорог, мостов, фортификационных сооружений, взрывное дело». В 1964 году с отличием окончил курсы по изучению новейшей техники при Военно-инженерной Академии имени Куйбышева.

География военной службы Павла Николаевича обширна: Ивановская область, Монголия, Китай, Читинская область, Москва, Ленинград, Германская Демократическая Республика, Эстонская ССР, Печенгский район Мурманской области, г. Калининград, г. Мурманск.

После увольнения из армии он работал военруком средней школы № 1 Мурманска, вел курс гражданской обороны в педагогическом институте, курс ОБЖ в школах города. И все время активно занимался общественной деятельностью. В 1984 году Павел Лоснов был избран первым заместителем председателя Эстонского республиканского союза

ветеранов Великой Отечественной войны, военной службы и воинов-интернационалистов, ликвидированного в 1990 году. В 1998 году его избрали председателем совета ветеранов Дальневосточных фронтов и Тихоокеанского флота, а вскоре – заместителем председателя, затем председателем Мурманской городской общественной организации ветеранов Великой Отечественной войны и военной службы.

Около 20 лет был активным лектором общества «Знание» по военно-политической тематике.

Павел Николаевич Лоснов награждён орденом Отечественной войны 2-й степени, орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За безупречную службу» I и II степеней, медалью Жукова и ещё более чем двадцатью медалями.

1 марта 2016 года Павлу Николаевичу исполнится 90 лет. Сборник «Невыдуманные истории» – подарок ветерану к юбилею.

К читателю

С автором «Невыдуманных историй» Павлом Николаевичем Лосновым мы знакомы более двадцати лет. Встречались в Мурманской общественной организации ветеранов Великой Отечественной войны и военной службы, в школах города, подшефных воинских частях, на торжествах в дни Победы. Особенно частым было наше общение в те годы, когда я курировал военно-патриотическую работу в должности заместителя первого всенародно избранного мэра города-героя Мурманска Олега Петровича Найденова.

Много лет после окончания службы Павел Николаевич Лоснов был активным участником ветеранского движения, внес большой вклад в дело военно-патриотического воспитания мурманской молодёжи.

Меня всегда поражали его энергия, мобильность, основательность, широчайшая эрудиция, глубокое знание военной истории и техники и потрясающая память.

А некоторое время назад Павел Николаевич принёс к нам в региональное отделение партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Мурманской области рукопись, исполненную необыкновенно красивым, аккуратным почерком. «Вот, вспомнил некоторые истории из своей службы. Может, они будут кому-нибудь интересны?».

Я начал читать рассказы, и понял, что их обязательно надо издать. Людям старшего поколения они напомнят многое из их прошлого, а молодые, особенно проявляющие интерес к истории и военной службе, узнают много нового, причём не в скупом изложении учебника, а в живых и ярких воспоминаниях участника и очевидца весьма неординарных событий.

География «Невыдуманных историй» охватывает весь послужной список автора, а многие сюжеты полны довольно подробных описаний технических находок, которые автор буквально на ходу изобретал при выполнении особо сложных заданий, что говорит о его высокоразвитой инженерной мысли. Истории и серьёзные, и смешные, порой курьёзные. И опять-таки поражает память в описании как глобальных событий военной и послевоенной истории, так и мельчайших деталей.

Словом, мы посчитали своим долгом содействовать в издании рукописи Павла Николаевича Лоснова и желаем читателям приятного и полезного чтения.

Здоровья Вам, дорогой Павел Николаевич, и долгих лет жизни!

**Александр МАКАРЕВИЧ,
Председатель Совета регионального отделения
партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Мурманской
области, заместитель председателя
Мурманской областной думы**

От автора

Самое короткое название моей военной профессии – сапёр. Так уж получилось, что именно в тех местах, где мне пришлось нести военную службу, сфокусировались в основном задачи по разминированию, обезвреживанию и уничтожению взрывоопасных предметов, оставшихся на территориях бывших военных действий. И занимался я этим делом в течение двадцати двух лет.

Сейчас эти задачи выполняют подразделения МЧС, а несколько десятилетий после окончания Великой Отечественной войны они были возложены на инженерные войска, в которых я и служил. Довелось мне иметь отношение к почти анекдотическим или трагикомическим историям, иногда неоправданно рискованным, в которых, к сожалению, и сам участвовал, и чего сейчас, переосмыслив, делать бы не стал. Самоуверенность моя была, пожалуй, чрезмерной, и хорошо, что всё закончилось благополучно. Надеюсь, читатели этих записок сделают правильные выводы.

З.Обылич.

1 марта 1956 года мне исполнилось 30 лет. Целого месяца следствия, что означало на этот день командованием гаспты было запланировано учение моей роты по ночному строительству моста. Наполнить об этом личном событии я никому не стал — служба преподе всего.

Поскольку на эти учения некоторая техника вывозилась впервые, то для контроля за ней с нами выехала представитель командира отдельного инженерно-саперного батальона по технической части майор Петров.

Вечеру 28 февраля мы сосредоточились после дневного марша у одного из хозяйственных каналов, который в Термаксе очень много, оборудовали временный лагерь, поставили лагерьные палатки, поужинали сухими макаронами и устроились на ночлег.

На сопках Маньчжурии

28 июня 1945 года я в должности старшины стрелковой роты в составе маршевого эшелона после семнадцатисуточного переезда из города Шуя Ивановской области прибыл в Монголию на станцию Баян-Тумен. Основным контингентом роты были солдаты 1927 года рождения, призванные в армию осенью 1944 года. Их обучали в учебном батальоне 193-го запасного стрелкового полка, но звания сержантов им почему-то присвоены не были, хотя закончили они полный курс обучения.

После выгрузки из эшелона мы за несколько минут пересекли пешком второй по величине город Монголии Чойбалсан и разместились буквально на песке в пятнадцати километрах от города на берегу реки Керулен. По ночам шли ливни и холодало, а днём температура поднималась до пятидесяти градусов, и мучила непривычная жара. Река – не спасение, вода в ней тёплая, с отходами скотобойного производства и других предприятий г. Чойбалсана.

Через несколько дней пешим маршем двинулись по пустыне Гоби на юг. Нас обгоняют колонны танков и автомашин с грузами. Жара и пыль невыносимые. Но нам повезло. На третий день пути подошла колонна «Студебеккеров», автомашин американского производства, и подвезла нас до конечной станции узкоколейной железной дороги Тамцаг-Булак, на которой, кроме названия, нет ни одного дома. Опять жара, опять пустыня, песок, редкие колючие травинки и масса мышей. Колодцев нет, воду привозят в цистернах по узкоколейке, перегретую, безвкусную. Личный состав роты весь месяц июль и первые дни августа занимался разгрузкой и складированием прибывающих с запада самых разнообразных грузов.

В первых же числах августа наша рота вошла в подчинение 248-го отдельного армейского танкового батальона 6-й Гвардейской танковой армии, который, как нам говорили, являлся личным боевым резервом командующего армией, дважды Героя Советского Союза генерал-полковника Кравченко Григория Андреевича.

О том, что война с Японией неизбежна, разговоры шли ещё в маршевом эшелоне, а сейчас нашей роте была поставлена конкретная задача. Если вначале мы недоумевали, зачем танковому батальону нужна стрелковая рота, то теперь нам разъяснили, что при преодолении такого труднодоступного горного хребта как Большой Хинган высотой до двух тысяч метров потребуются силы для обеспечения продвижения танков. Тем более, что, вопреки существовавшим правилам, они пойдут впереди пехоты, а не наоборот.

На броне каждой машины планируется разместить несколько бойцов с задачей оказывать помощь танкистам в преодолении труднопроходимых мест. Для этой цели танки были обеспечены различными инструментами, брёвнами,

Август 45-го на сопках Маньчжурии

верёвками, дополнительными тросами. Кроме того, стрелки могут быть использованы в боевых действиях при внезапных фланговых нападениях японцев во время марша.

8 августа 1945 года наш батальон в полной боевой готовности начал выдвижение к государственной монголо-маньчжурской границе правее озера Буир-Нур. До границы трудности были хоть и немалые, но без стрельбы.

Чем дальше идём, тем ближе Тамцаг-Булакский выступ Большого Хингана, глыбой нависший над Маньчжурией. На него и двинулась наша армия. Жара до 53 градусов по Цельсию. Ночь, а мы мокрые от пота. Пить, только пить – эта мысль не покидает сознание, а вода в 700-граммовой фляге давно уже закончилась. Запас воды в столитровых резиновых бурдюках в кузове «Студебеккера» старшины роты предназначен только для механиков-водителей танков и шофёров.

Встречающиеся озёра – все солёные, колодцы выкачаны впереди идущими войсками, а на маньчжурской территории или засыпаны, или отравлены японцами.

Обгоняя пехотные части, танки подняли такую пыль, что солдаты долго отряхивались и отплёвывались, вдохнувши отработанных газов вперемешку с пылью. А каково солдатам нашей роты, сидящим на броне танков, горячеей от солнца и двигателей! На них смотреть страшно. Главная мечта – лишь бы танк хоть на минуту остановился, чтобы передохнуть да сделать хотя бы глоток воды.

Расчёты командиров на пополнение воды в пути не оправдались. К исходу второго дня, когда люди от жары и тряски уже окончательно потеряли силы, шатались от изнурения и были на грани потери сознания, в расположение батальона сбросили с самолёта контейнеры, в которых оказались неведь откуда взявшиеся свежие длинные огурцы, каких я раньше никогда не видел. Это незабываемо! Чумазые, обветренные лица солдат с воспалёнными глазами и пересохшими, в трещинах, губами светились от счастья, внезапно свалившегося с неба.

Раскалённая земля, раскалённое небо. Горячий воздух обжигает лёгкие, дышать немогуту, броня нагрета так, что боязно дотрагиваться пальцами; ощущается, что песок жжёт подошвы сапог, а босой ногой вообще ступить на землю невозможно. Бурая пыль висит в воздухе, проникает всюду. Сквозь неё вдалеке синеют далёкие сопки Большого Хингана.

Нам сообщили, что одна треть Квантунской армии, с которой нам предстоит воевать, – это войска прикрытия между границей с Монголией и Большим Хинганом, а две трети находятся на равнинной территории Маньчжурии. К счастью, у японцев были заниженные сведения о численности и оснащённости наших войск. К тому же они рассчитывали, что наше наступление начнётся не ранее сентября-октября, после окончания сезона дождей.

Но к войне они готовились. Интенсивно отселяли вглубь страны население. Нарушений границы стало больше. Японцы – хорошие солдаты. Они стойки, выносливы, дисциплинированы, не ценят своей жизни ради выполнения приказа, любят ночной бой, но рукопашной схватки стараются избегать, так как считают, что если погибнешь от штыка, то не попадёшь в рай.

И вот уже видны предгорья Большого Хингана. Подъехала полевая кухня. На первое и второе один густой суп, на третье по кружке чая, который выпили, конечно, в первую очередь. Жить стало веселее. Сухим пайком мы заранее запаслись без нормы, но он в горло не шёл. Котелки «вымыли» верблюжьей колючкой.

И надо же было такому случиться! Совсем немного осталось дойти до края пустыни, как налетела песчаная буря. Песок, закручиваясь, поднимается вверх, потом мечется в разные стороны. Круговерть, темнота, воздух до предела насыщен песком, который забивает глаза, нос, рот, уши, забирается под одежду. Думаешь только об одном: как дышать, чтобы не забили лёгкие. И так же внезапно, минут через пятнадцать-двадцать наступила мёртвая тишина.

Четырёхсоткилометровый марш по юго-восточной части пустыни Гоби остался позади. Но всё та же экономия воды, так же печёт солнце и так же белеют верблюжьи черепа. Когда перешли границу, мы даже не заметили. Возможно, что передовые части и встретили какое-то сопротивление со стороны японцев, мы же только совершили с максимальной скоростью марш, чтобы достичь Большого Хингана в готовности преодолеть его.

Постепенно местность меняется. Появились гравий, кустистые деревца, мелкие ручейки с чистой водой, что после пережитого безводья доставляло огромную радость. Поднимаемся вверх. Танки буксуют на скальных уклонах, истирают в труху брёвна, которые мы подкладываем под гусеницы. Меняем их на свежесрубленные кривые берёзы с чёрной корой, а ещё выше на лиственницы. Но с появлением более густого хвойного леса стал толще слой перегноя, под которым крылась мокрая, осклизлая скала. Танки всё сильнее начинали скользить во все стороны. На опасных участках солдаты спешивались с брони, стараясь не подвергать себя риску, и вслед за танками шли пешком.

Встретился населенный пункт. Покосившиеся, полуразвалившиеся мазанки, кругом всё заросло бурьяном. Колодцы засыпаны, жители отселены вглубь Маньчжурии.

Нашему резервному танковому батальону было приказано отойти от главного маршрута несколько километров в сторону и обследовать дацан (монастырь), где, по данным разведки, находились японцы. Подходим к дацану, но предполагаемые «монахи» встретили нас огнём. Стрелковая рота, – для неё это был первый бой, – спешилась с танков, рассредоточилась и окружила дацан. Танки открыли огонь из орудий и пулемётов, в дацане вспыхнул пожар, и вскоре в нескольких местах появились белые флаги. «Монахи» вышли с поднятыми руками.

Вот и первая встреча с японцами. Низкорослые, скуластые, кривоногие, с выпирающими зубами, многие в очках. Никто не сделал харакири, ни одного смертника в белой оде-

жде. У меня как старшины роты началась морока с трофейным оружием, имуществом и прочим. Пленных передали подъехавшей специальной группе. Около полусуток потребовалось, чтобы, обгоняя другие части, занять своё установленное место в общем построении колонны.

Продолжаем влезать на Большой Хинган. Дикие хаотические кручи, удобные переходы приведены в почти непригодное состояние, семнадцать укрепленных районов.

Дорог как таковых нет, есть лишь направление движения с резкими крутыми спусками. Танки скользят по склонам. К счастью, в нашем батальоне их удавалось вовремя остановить, затормозить. С помощью тягачей и вспомогательных средств их стаскивали с крутизны, и марш продолжался. А в других частях были потери техники.

В Маньчжурии деревни и города обнесены земляными валами, окопами, рвами и различными по высоте стенами. Жилища в основном представляют собой глинобитные

Переход через Большой Хинган, август 45-го.

фанзы, несколько похожие на монгольские юрты, их входы прикрыты циновками. В фанзах, по нашему понятию, нет никакой мебели, пахнет дымом, потом, гарью, прелью. Полы из глины, вместо трубы вверху фанзы дыра, просвет окна заклеен рисовой бумагой.

Нет никакой утвари, кроме кувшинов и мисок. Одеты местные жители, как мне показалось, в бумажные куртки и штаны, на головах соломенные шляпы. Выглядят плохо: измождённые, худые, какие-то согнутые. Видимо, нелегко им жилось при японцах. К нам маньчжурские китайцы относились очень хорошо и кланялись, как заведённые, что было странно и непривычно.

Начались затяжные ливни. Солдаты на броне танков промокли до нитки. По ночам стало очень холодно. Со склонов помчались быстрые ручьи, камни. Вода кипит и клокочет, пенная, жёлтая, грязная. Движение вперёд значительно усложнилось. Раньше влаги не было, а теперь не знаешь, как от неё уберечься. Кончается ливень – в дело вступают комары. Они так искушали солдат, что их лица изменились до неузнаваемости, а о защитных мазях мы и понятия не имели. Нет, не забудешь Хинган!

В одной низинке из-за скольжения в сторону остановился идущий перед моей машиной танк. Солдаты с ближайших машин бросились ему помогать. Я тоже пошёл к танку, чтобы по рации доложить командиру роты о создавшейся обстановке. В это время с левого фланга японцы обстреляли из миномётов нашу группу. После первого выстрела осколок пробил на мне ремень, фуфайку и остановился на позвоночнике, не повредив его. От второго выстрела я пострадал серьёзнее. Осколок попал в правую коленную чашечку и застрял в ней. Я упал, от контузии оглох, ничего не слышу, в голове шум. Встать и идти уже не могу. Ко мне подбежал помощник командира 3 взвода старший сержант Иван Усов. Я сказал ему, чтобы доложил командиру роты и с солдатами прочесал местность, откуда велась стрельба. Но по этому участку уже вели стрельбу наши танки.

Через некоторое время с японцами было покончено, танк со склона вытащили, движение продолжилось, а из моей коленной чашечки батальонный фельдшер младший лейтенант Федя Стяжкин прямо в кузове «Студебеккера» извлёк осколок, затем наложил четыре шва и шину. Маленькую ранку на позвоночнике обработал и заклеил марлевой повязкой. Дальше я уже «наступал» на костылях.

О стационарном лечении и речи быть не могло. Госпитали, наверное, были лишь в Монголии, а потому – только вперёд. Через неделю почти восстановился слух в левом ухе, а дней через 10-12 и в правом, но недослышал я уже всю жизнь, и должен сказать, что это, видимо, сказалось на моей дальнейшей службе. А прихрамывать перестал примерно через год.

Со временем подъём на Хинган закончился, и начался спуск. Местность стала ещё хуже: камни больше, обрывы круче, движение опаснее. Маньчжурская низменность, куда мы спускаемся, после проливных дождей представляла собой сплошные болота. Изменился и лес: появился маньчжурский орех, клёны с тёмной листвой, берёзы с чёрной корой. Во дворах населённых пунктов бегают чёрные куры и чёрные свиньи. В долинах залитые водой поля чумизы, га-оляна, проса, риса, кукурузы. В огородах длинные огурцы. У пожилых женщин очень жидкие косы. Видел и совершенно лысых старух, курящих трубки. Пожилые мужчины головы бреют, молодые носят короткие стрижки.

Движение очень затруднено. Танки и автомашины вязнут. Солдаты уже приобрели опыт, научились их вытаскивать. Только и слышишь: «Раз-два-взяли!». Разрушенные дамбы восстанавливали с добровольной помощью всего китайского населения. И всё же движение вперёд остановилось, но только тогда, когда дошли до города печальной русской славы Порт-Артура и упёрлись в Жёлтое море.

За каждый взятый крупный город Маньчжурии И. В. Сталин объявлял войскам благодарность. Штабы и политработники оформляли их в виде красивых грамот с портретом вождя и вручали всем участникам боевых действий.

Мне их было вручено пять, но за свою долгую жизнь, в бесконечных переездах я их потерял, о чём теперь сожалею. Для потомков такие раритеты, наверное, были бы дороги.

Итак, 22 августа 1945 года я в составе танкового батальона, сопровождавшего командующего армией дважды Героя Советского Союза генерал-полковника Кравченко А. Г., вошёл в Порт-Артур. Но осмотреть места героических сражений 1905 года не удалось, так как моей роте поступил приказ прибыть на одну из железнодорожных станций и приступить к погрузке в эшелон трофейного имущества и сопровождать его в Советский Союз на станцию Борзя Читинской области, куда впоследствии прибыл и штаб 6-й Гвардейской танковой армии.

Второго сентября 1945 года был подписан договор о капитуляции Японии, которая, несмотря на наличие пакта о нейтралитете, 933 раза нарушала и 166 раз обстреливала наши сухопутные границы, 433 раза вторгалась в наше воздушное пространство, 206 раз – в наши территориальные воды, задержала 178 и потопила 18 советских торговых кораблей с грузами США для Советского Союза.

Такая обстановка вынуждала СССР держать на Дальнем Востоке до 40 дивизий, которые были очень нужны на Западном фронте и могли бы ускорить победу Советского народа в Великой Отечественной войне.

Безвозвратны потери советско-японской войны: СССР – 8,4 тысячи человек (по другим источникам – 18 тысяч), Японии – более 80 тысяч человек. Было взято в плен 650 тысяч японцев, в их числе и император Маньчжурии Пу И.

Победой над Японией закончилась вторая мировая война, длившаяся ровно шесть лет.

Три танкиста

*На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят.
У высоких берегов Амура
Часовые Родины стоят.*

Услышал по радио эту песню, и сразу нахлынули воспоминания. Дело в том, что прообразом экипажа, о котором братья Покрасс написали одно из самых популярных своих произведений, послужил экипаж танка БТ-5 32-го отдельного танкового батальона 32-й стрелковой дивизии, участвовавшей в боях с японцами у озера Хасан, а мне впоследствии довелось служить в этой дивизии и много заниматься её историей.

В экипаж танка в том бою входили командир взвода лейтенант Вячеслав Петрович Винокуров, механик-водитель рядовой Семён Николаевич Рассоха, а заболевшего башенного стрелка добровольно заменил комиссар батальона старший политрук Яков Иванович Ефимов.

6 августа 1938 года танковый взвод лейтенанта В. П. Винокурова наступал на правом фланге дивизии. Умело маневрируя вдоль границы, он вёл за собой нашу пехоту, уничтожил три пулемётных точки, проделал три прохода в проволочных заграждениях и расстрелял много японцев. В это время с правого фланга по танку и пехоте открыли огонь ещё два пулемёта противника.

Пехота залегла. Винокуров немедленно развернул танк и, стреляя из пушки и пулемёта, пошёл на японцев. Один пулемёт он раздавил гусеницами, второй, стрелявший патронами с бронебойными пулями, был уничтожен снарядом.

Перевалив через гребень высоты, танк Винокурова вышел на японские окопы, круша всех, кто в них находился, чем

вызвал панику у вероломных захватчиков. Но вот по танку открыла огонь противотанковая батарея противника, и два снаряда пробили его броню.

Механик-водитель рядовой Рассоха был убит, лейтенант Винокуров тяжело ранен, а старший политрук Ефимов отделался лёгким ранением. Подбитый танк встал и простоял на японских окопах более суток.

В нашем танковом батальоне уже считали весь экипаж погибшим. И только поздно вечером 7 августа, воспользовавшись моментом, когда наша артиллерия открыла мощный огонь по этому району и японцы поспрачались в укрытия, Винокурову и Ефимову удалось незаметно покинуть танк, скрыться в зарослях гаюляна и добраться затем до своего батальона.

За этот подвиг командир танкового взвода лейтенант Вячеслав Петрович Винокуров и механик-водитель рядовой Семён Николаевич Рассоха (посмертно) были удостоены звания Героя Советского Союза, а комиссар танкового батальона старший политрук Яков Иванович Ефимов награждён орденом Ленина.

После битвы у озера Хасан Я. И. Ефимов и В. П. Винокуров участвовали в боях на фронтах Великой Отечественной войны. Первый прошёл всю войну и закончил службу в звании полковника, начальником политотдела 32-й стрелковой дивизии, а подполковник Винокуров погиб в 1943 году под Харьковом.

Осенью 1941 года 32-я стрелковая дивизия с Дальнего Востока была переброшена под Москву и героически сражалась с фашистами на том самом Бородинском поле, где в 1812 году русская армия дала решающее сражение армии Наполеона и заслужила звание Гвардейской.

В Саратове, где в 1922 году она была сформирована, есть улица имени 32-й стрелковой дивизии. Я прошёл по ней в 1987 году, когда город отмечал 65-летие дивизии.

А песня о трёх танкистах жива и любима народом до сих пор.

Полковник Городецкий

После пяти лет солдатской и сержантской службы осенью 1948 года я, наконец-то, решился поступить в военное училище и посвятить свою дальнейшую жизнь кадровой военной службе. Когда меня спрашивали, как решился, отвечал: наверное, привык.

*Заместитель начальника училища полковник В. К. Городецкий перед началом торжества, посвященного 37-й годовщине со дня образования училища. Калининград, 1956 г.
(Фото из архива Рябчуенко Ю. А.)*

Приняли меня с трудом. Надо было изучать высшую математику, а я лишь один месяц проучился в девятом классе. Но поверили моему обещанию всё осилить, и в виде исключения я стал курсантом.

Московское военное-инженерное училище находилось тогда в Ленинграде. Спальные помещения располагались в Михайловском замке, а учебные корпуса – на Садовой улице. В спальне Павла I, где его убили, размещалась Ленинская комната 1-й курсантской роты, а в спальне его супруги – библиотека, в которой читальным залом заведовала моя будущая жена.

Массового телевидения в СССР в то время ещё не было, выпуск первых телевизоров КВН-49 только начался, а вот художественная самодеятельность была организована очень хорошо. В нашем училище ею руководил артист киностудии «Ленфильм» Никодим Васильевич Гишпиус. Личность очень колоритная! Немного выше среднего роста, худощавый, с длинными, до красноты рыжими волосами, в сильно поношенном осеннем пальто, наверное, единственном, потому что ходил он в нём даже в самые холодные дни.

В первые послевоенные годы я запомнил только один фильм с его участием. Это картина «Сыновья», в которой он играл фашиста, и, пожалуй, неплохо, да и его оригинальная внешность соответствовала роли.

Сам я до училища много занимался в художественной самодеятельности, а тут под руководством опытного учителя достиг, на его взгляд, определенных успехов, особенно в качестве чтеца-декламатора. И Никодим Васильевич стал меня готовить к ленинградскому городскому смотру.

Командование способствовало моему увлечению, и даже когда курсанты выехали на учения, меня оставили для подготовки к смотру и попутно несения внутренней службы в нашей дворцовой казарме.

И вот однажды я до блеска натираю паркетные полы в спальном помещении, мой напарник Федя Тиунов спит, и в это время неожиданно входит наш командир батальона полковник Городецкий Василий Константинович, которого мы, курсанты, и боялись, и любили одновременно. Он олицетворял наше понимание военного человека. Высокий, стройный, красивый, с пышными чапаевскими усами, обладающий прекрасной строевой выправкой. Был он очень строг, но не помню ни одного случая, чтобы он кого-нибудь наказал, хотя внушения делал так, что мало не покажется. Во время Великой Отечественной войны он, командуя курсантской ротой, воевал под Москвой и был награждён орденом Красной Звезды.

*Павел Лоснов - курсант
Московского Краснознаменного во-
енно-инженерного училища, 1950 г.*

Итак, полковник Городецкий вошёл, я от неожиданности вытянулся в струнку и подал команду «Смирно!», хотя в казарме кроме меня и спящего Феди Тиунова никого не было, он ответил «Вольно!» и обратился ко мне:

– Ну как, артист, готовишься к смотру?

– Так точно! – отвечаю.

Опустил он глаза вниз и увидел мои грязные от натирки полов сапоги. Настроение у него испортилось, – не мог он спокойно видеть у курсанта грязные сапоги, – возмутился и воскликнул:

– А сапоги-то грязные, артист!

– Так я же полы натираю, товарищ полковник!

Но он уже вошёл в раж и механически, по уже установившейся привычке, возмущённо продолжал:

– А шинели не заправлены! (Для не изучавших военное дело читателей поясню: заправить шинели – значит, расправить их на общей вешалке так, чтобы углы воротников и борты шинелей были направлены в одну сторону и создавали аккуратный внешний вид).

– Так шинелей-то нет, товарищ полковник, все курсанты на выезде!

– Всё равно не заправлены!!! И, почувствовав несуразность своего поведения, резко повернувшись, вышел из помещения, даже не зайдя в свой кабинет, находящийся в расположении нашей роты.

После моего успешного выступления на городском смотре художественной самодеятельности Никодим Васильевич Гиппиус стал уговаривать меня перейти на студию «Ленфильм», которая как раз набирала группу статистов с последующим обучением актёрскому мастерству. На фронтах Великой Отечественной войны погибли многие артисты, в киностудии их явно не хватало. Наверное, поэтому в первых послевоенных фильмах мы видели одни и те же лица.

Сам я решить этого вопроса не мог и посоветовал Н. В. Гиппиусу обратиться к В. К. Городецкому.

И вот в один прекрасный день он заходит в кабинет командира батальона. Я стою у двери снаружи и с нетерпением жду результата. Ждать долго не пришлось. Уже через несколько минут Василий Константинович с криком: «Вон отсюда, долгогривый поп!!!» распахивает дверь, а Никодим Васильевич, смяв под мышкой свою зелёную шляпу, не видя меня, почти бегом пронёсся через всю казарму. Больше я его никогда не видел и понял, что на этом моя артистическая карьера окончилась.

В. К. Городецкий махнул мне рукой, – дескать, заходи, – немного успокоился и минут десять по-отечески разъяснял нелепость моего намерения. И, поверьте, после этого разговора я ни разу не пожалел, что не рискнул податься в артисты, а стал офицером инженерных войск. Это оказалось как раз то самое «мое».

С полковником Городецким связан еще один случай. Летом 1949 года, когда наше училище уже перевели в Калининград, я, курсант Коля Тарабычин и один майор (фамилию забыл, он у нас не преподавал) привезли из штаба Прибалтийского военного округа в училище знамя, которого оно не имело, так как ранее было переформировано из высшего инженерно-строительного училища.

Через несколько дней для официального вручения знамени прибыл из Риги командующий Прибалтийским военным округом, генерал армии (впоследствии Маршал Советского Союза) Иван Христофорович Баграмян. На пе-

редней линейке построили весь личный состав. С рапортом к И. Х. Баграмяну, чеканя шаг, подошёл недавно назначенный помощником начальника училища по строевой части полковник В. К. Городецкий. В присутствии всего училища генерал армии И. Х. Баграмян сделал ему замечание за то, что тот неправильно приложил руку к виску, и показал, как это надо делать.

Нам было обидно за прекрасного строевика полковника Городецкого, который, видимо, от волнения немного дальше от виска приложил при докладе руку. У Баграмяна или командирского такта не хватило, или он перестал различать полковничьи и курсантские погоны.

Через много лет, уже в звании майора, меня пригласили в Калининград принимать у выпускников родного училища экзамены по подрывному делу. Василий Константинович к тому времени был уже уволен в запас. Я приехал к нему домой на улицу Одесскую. Встречей он был растроган, и мы долго за чашкой чая вспоминали о былом.

Эхо войны

Как я уже упоминал, в мае 1949 года наше военно-инженерное училище перевели из Ленинграда в Калининград (бывший Кёнигсберг), а пока ремонтировали казармы и учебные помещения, нас разместили в местечке Капорн в бывших немецких бараках примерно в пятнадцати километрах от Калининграда и в одном километре правее шоссе Калининград-Балтийск.

Вечер. Сильнейшая гроза. Ливень. Вдруг со стороны шоссе послышался взрыв. Странно. Занятия уже давно закончились, учебных взрывов быть не должно. Старшина роты курсант Булыга подал команду: «Первый взвод, за мной!». Прибежали к месту взрыва, смотрим: полотно дороги разворочено взрывом, вместо него – воронка на всю ширину. Объезд в данном месте невозможен, так как дорожное полотно на высокой насыпи. Обсуждаем разные версии случившегося. Но вот подошли некоторые наши опытные преподаватели – прекрасные специалисты инженерных войск, фронтовики. Они тоже всё осмотрели, обменялись мнениями и пришли к общему выводу: немцами на шоссе был установлен фугас с электрическим способом подрывания, но почему-то при попытке его подорвать произошёл отказ. А сегодня при попадании разряда молнии электрические контакты замкнуло, и произошёл взрыв.

Хорошо, что обошлось без аварий и жертв. Всё шоссе от Калининграда до Балтийска проверили, но фугасов больше не нашлось.

Бигуди

1958 год. Звонок из таллинского горвоенкомата. На взрывоопасном предмете подорвался пожилой мужчина, получил ранения, находится в городской больнице. Приезжаю и выясняю: местный житель, возраст около 70-ти лет, в армии не служил, с взрывчатыми веществами не знаком. В пристройке своего частного дома обнаружил за стропилами крыши картонную коробку с алюминиевыми цилиндриками диаметром около 6 миллиметров с вмонтированными внутрь тонкими изолированными скрученными проводами. Что это такое, понять не мог.

Позвал соседа, деда такого же возраста. Поразмыслив вдвоём, они решили, что это не что иное, как бигуди для завивки волос. Предположили такой принцип действия этого предмета: если вставить оголённые концы проводов в электрическую розетку, то провод будет раскручиваться, цилиндрок вращаться, а намотанные на него волосы завиваться. Решили проверить идею на практике. Хозяин дома взял в левую руку цилиндрок, а правой вставил предварительно оголённые концы проводов в розетку. Результат превзошёл ожидания. Раздался взрыв. Кисть левой руки повреждена, кожа на ней висит лохмотьями, мелкие осколки врезались в лицо.

Спрашиваю: «Жалеете, что так получилось?» — «Нет, отвечает, — радуюсь, что своей старухе волосы не стал завивать».

Осмотрел я в милиции дедову находку. Как и предполагал, это оказались немецкие электродетонаторы, припрятанные кем-то во время Великой Отечественной войны.

По проспекту с музыкой

Опять звонок, уже в Мурманске в 1968 году. На лестничной площадке дома № N на Пяти Углах (проспект Ленина) обнаружена мина. Вызвал группу разминирования, а сам, не дожидаясь её прибытия, направился по указанному адресу.

Разрушенная и местами обвалившаяся штукатурка на лестничной площадке закрыта (видимо, до проведения ремонта) прибитым к стене большим жестяным листом. Снизу один угол листа отогнут и туда засунута 82-мм миномётная мина.

Прибыли минёры. Попросил одного из них осторожно отгибать жёсть, а сам медленно вытащил мину, осмотрел: взрыватель на месте, значит, представляет большую опасность. Осторожно, как мама младенца, вынес её к бронетранспортёру, специально подготовленному для перевозки взрывоопасных предметов, уложил в ящик с песком и под музыку сирен милицейских машин, двигавшихся спереди и сзади бронетранспортёра, вывез на полигон и взорвал.

Пишу, а в голову приходит мысль, что прочитают люди и подумают: как всё просто! И не каждый поймет, что за этой простотой могла быть скрыта возможная страшная трагедия: и гибель людей, и горе многих семей.

Минёры-спасатели

Возвращаюсь я в свой отряд разминирования из поездки в Мурманск. Отряд располагался палаточным лагерем на западном берегу реки Западная Лица. Около дома связистов (он потом сгорел) меня остановила полная пожилая женщина, назвавшаяся директором швейной фабрики, и рассказала, что вчера утром несколько работников её фабрики самовольно взяли автомашину ГАЗ-51 с будкой и уехали за грибами. А сегодня позвонила жена одного из работников и сообщила: муж говорил ей, что они поедут по старой фронтовой дороге через южный брод на реке Западная Лица и вернутся около 18 часов. Но до сих пор никто из уехавших вчера за грибами не вернулся.

Директор фабрики знала этот район, поехала по маршруту и обнаружила машину, стоящую на броде. До берега она не доехала метров восемь и заглохла от попадания воды в двигатель.

Весь вчерашний день, наступившую ночь и утро был страшный ливень, вода в реке поднялась и стремилась бурным потоком, выйти из машины было невозможно. Люди все живы и здоровы, сидят в кабине и в будке. Мобильных средств связи тогда, естественно, не было.

Директор фабрики спросила, не знаю ли я кого-нибудь, кто может оказать помощь попавшим в беду людям и вытащить машину. Меня восхитило, что пожилая женщина одна бросилась искать и спасти своих работников, совершивших не очень благородный по отношению к ней поступок самовольной поездкой, и я согласился ей помочь. МЧС тогда ещё не существовало. Ближе моего отряда разминирования других воинских частей нет. Сказал, что через час прибуду с техникой к броду.

В лагере взял автомобиль «Урал» с тремя ведущими мостами и лебёдкой, группу минёров с гидрокостюмами, кое-какое имущество и инструмент. Прибыли к месту происшествия. На обычно тихую в этом месте реку было страшно взглянуть. В различное время года я много раз бывал в тех местах, но такой увидел реку впервые. Она вздулась глыбами бушующей и бурлящей воды. Машину грибников снесло на край брода, но она чуть развернулась и удержалась, видимо, упёршись колёсами в валуны.

Мы принялись за дело. Укрепили камнями колёса «Урала», размотали часть троса лебёдки. Двое солдат надели гидрокостюмы и, обвязавшись верёвками, попробовали идти по воде с крюком от лебёдки к застрявшей машине. Но ничего не вышло, – мгновенно сносит течением. Пришлось применить уже использованный ранее способ. Срубили три прочные берёзовые жерди, связали их в одну длинную и сплавили ее по течению так, что один конец связки остался на берегу, другой упёрся в застрявшую машину. Держась за жерди и привязав себя к этой «переправе» верёвочной петлёй, солдаты, страхуемые ещё и верёвками с берега, добрались до застрявшей машины и закрепили крюк лебёдки. Вот и всё. Включили лебёдку и вытащили машину вместе с бедолагами-грибниками. Они так намучились, намокли и замёрзли, что даже на шутки не отвечали.

Года через полтора-два, уже уволившись из армии, я приехал на швейную фабрику по путёвке общества «Знание» читать лекцию. Директор фабрики меня в гражданской одежде не узнала, а когда я напомнил историю с грибниками, словам благодарности снова не было конца.

Дом на снарядах

В садово-огородном хозяйстве обнаружили взрывоопасный предмет. Было это в 1958 году недалеко от Таллина. Мы немного не доехали до места назначения, и тут в радиаторе машины закипела вода. Остановились. Я заглянул в переулок и увидел стоящего у калитки мужчину средних лет. Подошёл к нему и попросил ведро воды. Пока он ходил к своему колодцу, я посмотрел через штакетник забора и высокие цветы на фасад дома и чуть не лишился дара речи: верх ленточного кирпичного фундамента бревенчатого дома был выложен артиллерийскими снарядами калибра 100 мм! Невероятно, но факт, хотя такого никак не должно быть. Когда хозяин дома вернулся, я поблагодарил его за воду и вступил в разговор. Надо же узнать, в чём тут дело. Выяснил, что дом он построил два года назад. Женат, двое детей, в армии служил артиллеристом, работает охранником на заводе, а сегодня в отгуле. Я похвалил дом и, вроде бы из любопытства, спросил, что это за снаряды в фундаменте, для чего?

– А для красоты!

– А если взорвутся? – снова спросил я.

– Не взорвутся, в них взрывателей нет, – ответил хозяин. Даю ещё один наводящий вопрос:

– А взрывчатки внутри тоже нет?

Вижу, мужик начинает волноваться и отвечает уже с некоторым сомнением:

– Так они же без взрывателей не взорвутся!

Добиваю его утверждение последним вопросом:

– А если пожар?

Бывший артиллерист замолчал. До него дошло, что при пожаре снаряды нагреются и взорвутся даже без взрывате-

лей, а от такого большого их количества будет разрушено множество соседних домов и может погибнуть много людей. Я сказал ему, что вынужден обратиться в органы местной власти, и уж они примут решение, что делать с его домом. Поехал в садово-огородное хозяйство, но напрасно: там посчитали, что ничего взрывоопасного нет.

В отделе милиции договорились, что на следующий день у злополучного дома встретятся все заинтересованные лица. Когда собрались, назначили комиссию, составили акт о правонарушении. Мнение было единым: дом разобрать, снаряды на месте не взрывать, а уничтожить на полигоне. Затем определили, кто и за что отвечает, кто какие силы и средства выделяет, сроки выполнения.

Начались подготовительные работы. Мне было жаль эту несчастную, хотя и по своей вине попавшую в беду семью, и я всё время думал, как им помочь. Вспомнил, что в детстве наблюдал работу плотников по замене с помощью домкратов нижних полусгнивших венцов соседского деревянного дома. На другой день предложил комиссии новый вариант решения проблемы, избегая разборки дома. Потребуется лишь приподнять дом реечными домкратами, освободить от нагрузки фасадную часть фундамента с зацементированными в неё снарядами, разрушить её отбойными молотками на части, вывезти на полигон и взорвать. Моё предложение было принято. Разобрать дом всегда можно.

Реечные домкраты, компрессорная станция, отбойные молотки были доставлены местной властью из морского порта. Передвижную электростанцию с электроинструментом обеспечил я. Хозяин дома, обрадованный таким поворотом дела, занялся доставкой стройматериалов для восстановления фасадной части фундамента. Через сутки в нижних брёвнах дома электродолбёжниками пробили неглубокие пазы, закрепили в них домкраты и по единой команде дом синхронно приподняли, фасадную часть фундамента отбойными молотками разбили на части, вывезли на полигон и взорвали. Фундамент восстановили, теперь уже без сна-

рядов, а через несколько дней, когда цемент затвердел, дом осторожно с домкратов опустили. Всё осталось в целости и сохранности: и дом, и ягодные кусты, и фруктовые деревья, и грядки с овощными посадками, лишь цветы перед фасадом пострадали. Хозяйка от радости плакала, а хозяин чуть ума не лишился от стыда и переживаний за свою вину. Материально это ему обошлось недорого: заплатил за стройматериалы и топливо, а солдатская сила всегда была бесплатна.

Трагедия на реке Печенга

Для подготовки к предстоящим работам по разминированию и очистке от невзорвавшихся боеприпасов территории военных действий в Заполярье ранней весной 1971 года был оборудован палаточный городок недалеко от реки Печенга. Солдаты усердно занимаются. Почти все они новички, на разминировании не были, но желание заниматься новой специальностью есть, и меня это радует.

Организовал занятия, в штабной палатке готовлю необходимую документацию. Вдруг слышу недалеко звук взрыва. Удивился и забеспокоился: в отряде в этот день взрывные работы не планировались. Вышел из палатки, спрашиваю дневального: «Где взрыв? Уточните направление». Еду в указанном направлении. Впереди река Печенга, а перед ней направо малозаметная полевая дорога. Сворачиваю. Метров через двести вижу стоящего мальчишку, а за ним дальше, метрах в пятнадцати друг от друга, двоих лежащих детей.

Бегу к ним. Один погиб, второй ещё жив, но без сознания. Везу всех в госпиталь в Печенгу и сдаю врачам. Стал расспрашивать не пострадавшего мальчика, что произошло. Оказывается, то, что чаще всего в таких случаях и бывает. Гуляя вдоль реки, ребята увидели оголившийся бок мины, откопали её, положили в костёр. Ждали больше часа, а она не взрывается. Костёр уже стал прогорать. Пошли за хворостом, а когда возвращались, произошёл взрыв. Двое полегли в том порядке, как шли. Последнему повезло. Его даже не зацепил ни один осколок, лишь слегка контузило.

А ведь сколько раз предупреждали школьников: не трогайте мины и снаряды, зовите взрослых...

Неизбежность

Проезжая по проспекту Кирова в Мурманске, каждый раз вспоминаю трагедию, произошедшую много лет назад у дома № 22.

Недалеко от этого дома по направлению к проспекту Ленина выравнивали территорию и засыпали её привозимым откуда-то грунтом. В этом грунте пятеро мальчишек в возрасте 10-12 лет нашли небольшую миномётную мину. Показали её проходившему мимо молодому военному моряку и спросили, не взорвется ли она? Бравый моряк ничего не понимал в минах, но признаться в этом перед мальчишками не решился и потому авторитетно заявил: «Нет, она учебная». Дети успокоились, гуляли, оставляя мину в сторонке, а когда отправились домой, взяли ее с собой.

Прежде чем разойтись по своим квартирам, они остановились на асфальтированной площадке перед подъездом и о чём-то заговорились. Один из них, 11-летний Толя Попрыго (фамилия до сих пор осталась в памяти), держал мину, но она неожиданно выпала у него из рук и взрывателем ударилась об асфальт. Толя мгновенно погиб на месте, остальные получили тяжёлые ранения и увечья на всю жизнь. Горе родителей было безмерно.

После окончания войны на Севере прошло более 70-ти лет, но и сейчас она напоминает о себе оставшимися на местах боёв, да и не только там, самыми разнообразными взрывоопасными предметами. Их собирают и уничтожают, но многие из них находятся глубоко в земле, миноискателями их обнаружить невозможно, а для земли они чужеродны, и она, замораживаясь и оттаивая, выжимает их на поверхность. Этот процесс будет длиться ещё долго. Мне приходилось находить даже боеприпасы времён гражданской войны.

А он все дымит

Под небольшим эстонским городком Кейла, на месте боёв в Первую мировую войну, местные жители нашли снаряд. Снаряд как снаряд, но когда мы с капитаном Рудманом подорвали его, он не рассеялся в пух и прах, а развалился на большие куски, которые начали дымить. Не сработало взрывчатое вещество внутри. Надели противогазы. Радует, что ветер дует в сторону от города. Боимся, не химический ли снаряд? У химического, по описаниям, корпус тоньше, но мне они никогда не встречались. Каких только версий мы не выдвигали. А снаряд дымит. Эх, надо было положить заряд помощнее... Так химический или дымовой? Наверное, всё-таки дымовой, уже очень долго дымит. А уйти нельзя. Жаль, что газосигнализатора нет, тогда бы точно определили, что за снаряд. Но было понятно, что это «подарок» Первой мировой. ...Дежурили мы у разбитого дымящего снаряда около 4-х часов, пока он окончательно не затух.

Сержант Рамазанов

Спасаем мост издалека

Председатель областной комиссии по предупреждению и борьбе со стихийными бедствиями, он же заместитель председателя Мурманского облисполкома Князевский ночью звонит мне, члену этой комиссии, и сообщает, что ниже моста через реку Териберка образовался ледяной затор, вода в реке выше затора быстро поднимается, и создаётся реальная угроза сноса моста. К устранению затора методом бомбометания привлекалась авиация Северного флота, но выполнить задачу ей не удалось. Он просит вмешательства сил и возможностей нашей дивизии, прежде всего, разрушения затора миномётным огнём.

Задача непростая. Второй час ночи, люди уже давно спят. К тому же я артиллерией не командую. Надо информировать о ситуации командира дивизии, но к нему лучше обращаться только с готовыми убедительными предложениями. Командир дивизии полковник А. И. Безотосов (впоследствии генерал-полковник, начальник гражданской обороны СССР) быстро включился в проблему, мои предложения утвердил и по телефону дал соответствующие распоряжения нужным должностным лицам. Через пару часов я, миномётный расчёт с минами, отделение сапёров с запасом взрывчатых веществ, средств взрывания и необходимого имущества были в гусеничном вездеходе МТЛБВ и двигались к мосту через реку Териберка, где нас уже ждали начальник участка дороги и рабочие. Вода не дошла до пролётного строения всего 20 сантиметров. Мост построен глупо, если не сказать преступно, без учёта уровня подъёма воды в период паводка, хотя его высота буквально отпечаталась выразительным следом на высоком берегу реки. При постройке моста, видимо, учитывалась только высота дорожного полотна.

Но теорией мостового строительства нам заниматься было некогда, и мы, уточнив место ледяного затора, направились к нему на вездеходе. Обстрел из миномёта успехом не увенчался. Я – не специалист, командир миномётного расчёта, видимо, тоже самостоятельного опыта управления стрельбой не имел. Пробовали кидать заряды в затор: крупным зарядом – недолёт, малым – нет эффекта. Что же делать? Думать, думать и думать, а пока думаешь – мост снесёт. Но придумал. Приказал вырубить тонкие длинные берёзовые жерди, соединить их по несколько штук в одну длинную, на конец привязать заряд весом 1,2 кг, а по длине жерди в трёх местах привязать верёвки, чтобы сдерживать сплавляемую по течению жердь от сноса к берегу. Благо, здесь, у затора течение замедлялось. И вот заряд достиг затора и упёрся в него. Когда сгорела зажигательная трубка и раздался взрыв, в заторе образовался проран, вода стремительно хлынула в него, затягивая окружающие льдины. Всё. Радует, курум, смеёмся, празднуем победу над лётчиками и миномётчиками.

Побеседовал с дорожниками. Посоветовал им в следующем году в первую очередь подрывать лёд не у моста, а там, где в этом году был затор.

Через несколько лет на том месте построили новый железобетонный мост, выше прежнего. Снос ему не грозит.

Пограничный инцидент

Вызвал меня командир дивизии полковник А. И. Безотосов и познакомил с сидящим у него в кабинете гражданином, который представился: «Директор дирекции по строительству гидроэлектростанций на Кольском полуострове Пушкин» (простите, за давностью имя и отчество его я уже забыл). Мне дали прочитать директиву Совета Министров СССР, в которой говорилось, что силами нашей дивизии необходимо к такому-то сроку произвести подготовку советской части пограничной территории к затоплению при строительстве норвежской стороной в интересах Советского Союза Хеваскоской гидроэлектростанции на реке Паз. (Река эта протекает по территориям трёх стран. В России она носит название Паз, в Норвегии – Пасвик, а в Финляндии – Патсийоки). Нужно произвести вырубку и удаление за пределы зоны затопления лесонасаждений, очистку указанной зоны от взрывоопасных предметов, оформить документы, определённые директивой. Все вопросы, связанные с размещением и поведением в пограничной зоне, согласовать с начальником погранотряда.

Оказалось, что эта директива была получена штабом дивизии давно, и времени для её выполнения было более чем достаточно, но за текущими делами её сначала выполнять не торопились, а потом благополучно забыли. Прибытие для подписания документов о готовности зоны к затоплению товарища Пушкина было громом среди ясного неба. Я же об этой директиве понятия не имел. В итоге нашего разговора мне было приказано эту проблему решить в срок и положительно.

Вместе с Пушкиным выехал в район предстоящих работ. По пути передал командиру инженерной части распоряже-

ние командира дивизии о подготовке людей и имущества к выполнению задания, заехал в погранотряд и согласовал вопрос о размещении палаточного лагеря. Осмотрели с Пушковым зону предстоящего затопления, нанесли её на карту и наметили график работ.

Уже через сутки необходимые силы и средства были сосредоточены на границе с зоной затопления, поставлены задачи, и работа закипела. Через 3–4 дня вызывает меня начальник погранотряда полковник Гаврилко и сообщает, что норвежское правительство заявило ноту советскому правительству о создании нами опасного прецедента на границе, заключающегося в том, что в нашей пограничной зоне взрывают снаряды, осколки которых летят на норвежскую территорию и представляют угрозу жизни местного населения и норвежских пограничников. Сообщил он также, что для разрешения конфликта завтра прилетает представитель министерства иностранных дел СССР, и я должен быть готов дать объясне-

Разминирование в районе реки Паз

ния. До его прибытия все взрывные работы необходимо прекратить.

Неприятно, конечно. Послал в Печенгу за «Инструкцией о порядке разминирования и уничтожения взрывоопасных предметов», где чёрным по белому написано, что невзорвавшиеся боеприпасы нужно подрывать на месте их обнаружения. Прибывшему на другой день представителю Министерства иностранных дел СССР я показал эту инструкцию и сказал, что в связи с наступлением ночных холодов грунт вокруг снарядов уплотняется или замерзает, вытаскивать их с применением усилий опасно, а в данном районе поблизости от места подрывов местное население ни с нашей, ни с норвежской стороны не проживает. Территория по фронту с учётом разлёта осколков не превышает 600 метров, в глубину от места взрыва снарядов не более 200 метров, поэтому предлагаю на время взрывов с 17:00 до 17:30 ежедневно пограничников отводить на запасные позиции на 200–250 метров в тыл. Строится ГЭС в интересах обеих стран, без очистки местности стройка невозможна.

Представитель МИД СССР нашёл мои доводы разумными, но посетовал, что эту проблему не решили заблаговременно. Однако это в мои обязанности не входило. На следующей встрече советской и норвежской сторон наши предложения были полностью приняты, и больше никаких пограничных эксцессов не возникало. ГЭС Хеваскоски вступила в строй в договорной срок, в 1970 году.

Учения у границы

«В 1968 году во время чехословацкого кризиса и войны во Вьетнаме советские амфибии в ходе учений демонстративно заехали в пограничную реку Паз. Командир норвежского пограничного отряда получил приказ из Осло открыть огонь в случае пересечения советскими войсками границы».

*(Из книги «Освобождение Восточного Финнмарка».
Авторы В. Гортер, А. Гортер, М. Н. Супрун).*

Презентация этой книги проводилась норвежским консулом в небольшом зале на первом этаже Мурманского областного краеведческого музея. Мне довелось присутствовать на ней. После выступлений приглашённых, иногда довольно критических, несколько экземпляров книги были вручены представителям некоторых организаций и отдельным гостям. Получил экземпляр для городского комитета ветеранов войны и я.

Мне пришлось в некоторой степени быть участником тех событий 1968 года, и хочется рассказать, что же было на самом деле в отличие от процитированного мною отрывка.

Как известно, Норвегия является одной из стран, подписавших в 1949 году Северо-Атлантический пакт. В 1968 году она разрешила проведение учений НАТО на своей территории, но так как Норвегия – пограничное с нами государство, то, естественно, советская сторона не могла отнестись к такому событию безразлично.

Нашей дивизии, дислоцированной в Мурманской области, было приказано провести тактические учения на терри-

тории, прилежащей к государственной границе с Норвегией, а также занять огневые позиции с готовностью отразить нападение вероятного противника.

Так как я на этих учениях выполнял обязанности начальника инженерной службы, то кому как не мне было знать точную систему обороны дивизии, её особенности, и я с полной ответственностью заявляю, что никакие амфибии в реку Паз не заходили. Во-первых, потому, что ни до, ни после ни одной из них у нас не было, во-вторых, и это подтвердит каждый грамотный военный – незачем. Пугать амфибиями смешно, когда в дивизии достаточно эффективных мощных средств. Кстати, никакие другие машины и люди к реке Паз не подходили.

Так или иначе, но руководство НАТО и правительство Норвегии поняли, что провокации тут не пройдут, и наше правительство получило заверения, что ближе 500 километров к норвежско-советской границе войска НАТО не пойдут.

Когда закончились натовские учения, командир нашей дивизии полковник Безотосов А. И. 17 июня 1968 года отдал мне приказ произвести учебный ядерный взрыв (тогда было принято так заканчивать крупные учения, существовали даже табельные учебные атомные заряды). Мои сапёры подняли на самую высокую сопку бочку солярки, бочку бензина, ящик (25 кг) тротила, и все это разместили на плоском валуне. Когда в назначенное время нужно было произвести взрыв, поднялся такой густой снежный заряд, что я в целях безопасности попросил полковника Безотосова дожидаться прояснения погоды.

Салют в честь благополучного окончания учений в виде учебного взрыва был дан.

Моя новая профессия

Только что приехал с курсов по изучению новейшей инженерной техники, как меня вызывает мой начальник и сообщает, что морской порт Мурманска остановил работу: при углублении дна экскаваторщик поднял бомбу и убежал, а бомба осталась в ковше.

Приезжаю в порт. Меня ждут, ворота открывают, пропуска не спрашивают, верят форме. Нашли экскаваторщика. Прошу его опустить ковш на землю, а он отказывается, даже к экскаватору не подходит. Ему, видите ли, жизнь дорога. А мне? Пытаюсь давить на совесть – бесполезно.

Был бы это небольшой колёсный экскаватор, которым я успешно владею и даже имею удостоверение на право управления, проблемы бы не было, и не унижался бы я перед этим, мягко говоря, нерешительным человеком, который даже перед обещанной бутылкой водки устоял, перед премией тоже. Измельчал, думаю, рабочий класс. Другого экскаваторщика не нашли.

Время идёт, порт стоит. А сознание подталкивает: придёт-ся самому, но ведь я в такой громадный гусеничный экскаватор даже не садился никогда. Хотя знание машин у меня, конечно, есть, некоторые навыки тоже. И я решился. Попросил экскаваторщика рассказать, какие рычаги, где размещаются, какие используются для опускания ковша и с какой силой, особенности торможения и т. д. Представил всё это в уме и сел в кабину. Осмотрел все рычаги, приборы. Откинулся на спинку сиденья, отдохнул и... опустил ковш на землю. Почувствовал на спине пот, хотя было по-осеннему прохладно. Выключил двигатель, про который забыл, убегая, экскаваторщик, а вот за то, что автоматически затормозил опускание ковша и со страху не ударил им о землю, ему спасибо.

Дальше уже, как говорится, дело техники. 50-ти килограммовую авиабомбу погрузили на песчаную подушку в ящик бронетранспортёра и под звуки милицейской сирены вывезли на полигон и взорвали.

Тогда я сильно осуждал экскаваторщика за его робость, а сейчас появились сомнения. Правильно ли поступил я – тоже сомневаюсь, но точно знаю, что поступи иначе, мои товарищи-сапёры меня, пожалуй, осудили бы. А ведь случись взрыв на месте, мою жертву превзошло бы немало других. Вот и думай, что хочешь.

Корова и бомба

*Эта история произошла
в Раквереском районе Эстонии.*

На одном из хуторов бригадир колхоза обнаружил выступающий из земли стабилизатор авиабомбы. Ничего не сказав хозяину хутора, он сообщил об этом в военкомат. Выезжаю с группой разминирования. По пути прихватываю с собой председателя сельсовета. Приехали на хутор. Убогость дикая. Полусгнивший домишко, крытый старой почерневшей соломой, поневоле рождает вопрос: как же тут годами можно жить?

Спрашиваю председателя сельсовета: «Может, переселить хозяев куда-нибудь в лучшие условия?». «Мы предлагали им со старухой переехать на центральную усадьбу, но они не соглашались, говорят, что прожили тут всю жизнь, привыкли, тут и умрут».

Подошедшего хозяина, старика преклонного возраста, удивлённого прибытием группы военных, спрашиваем, где тут авиабомба? А он отвечает, что нет здесь никаких бомб, зачем они ему. Солдаты начинают осматривать территорию и обнаруживают метрах в восьмидесяти от дома привязанную длинной верёвкой к выступающему из земли стабилизатору авиабомбы корову, лениво пощипывающую травку. Такого я ещё не видел... Судя по стабилизатору, это немецкая 200-килограммовая бомба.

Что заставило немецкого лётчика в глухом, отдалённом от крупных городов Ленинграда и Таллина, местечке сбросить такую мощную авиабомбу, остается только гадать. Перед нами же задача: как в каменистом грунте по бокам авиабомбы выкопать ниши для закладки подрывных зарядов.

дов? Старик и понятия не имел, что привязывает корову к стабилизатору бомбы. Торчит себе железяка, и всё. Вот и использовал её в хозяйственных целях.

Корову отвязали и отвели подальше. В хибаре деда открыли двери, сняли и унесли в сторону оконные рамы. Договорились с председателем сельсовета, что в случае разрушения дома сделают ремонт. О перемещении бомбы подальше от дома даже и думать нельзя. Не выкопать, грунт – камень-плитняк. Неизвестно, какие у бомбы взрыватели, а вес такой, что потребуется мощный кран. Но главное: при любой манипуляции с ней она может взорваться, так что нужно действовать по инструкции, взрывать на месте. Хозяин жилища, кажется, смирился с тем, что лишится удобного предмета для привязывания коровы.

Я проинструктировал всех присутствующих, определил каждому место нахождения, выставил на безопасное расстояние оцепление, проверил выдолбленные саперами в каменистом грунте шурфы для закладки зарядов, убедился, что к подрыву авиабомбы всё готово, и поджёг огнепроводный шнур зажигательной трубки.

После взрыва позвал деда. Когда он увидел огромную воронку, в которой мог бы разместиться его хутор, то схватился за свою седую голову, заохал и закричал: «Господи, что бы было с моей коровой!».

Осмотрели жилище. Оно уцелело, только солому на крыше местами снесло, а местами подняло дыбом. Кое-как подлатали, поставили на место оконные рамы. А председатель сельсовета раздобылся и обещал в течение двух недель покрыть крышу шифером.

Беспечность

Отряд разминирования работает у реки. Каждому взводу, отделению, минёру определен свой участок работы, который проверяется миноискателями, а где и щупами, и за качество поиска каждый несет личную ответственность. На эти участки составляются схемы, которые хранятся в отчётных документах. В отряде из лучших минёров создается контрольная группа, выборочно проверяющая качество работ на участках. Всё делается для того, чтобы задание по разминированию было выполнено безупречно.

Но нет правил без исключений. К сожалению, это произошло и в нашем отряде. Приезжаю на участок, где работами руководит старший лейтенант Рохтметс. Стоит редкая, непривычная жара. Сели мы с ним в тень под кустик, обсуждаем ход работ, рассматриваем схемы участков, решаем другие вопросы. Глянул я в сторону куста и глазам не поверил – в полуметре от меня из куста таращится немецкая противопехотная осколочная прыгающая мина 3S натяжного действия. Куст со времён войны подрос и прикрыл её.

К счастью, проволоочки-растяжки, с трёх сторон идущие к трём усикам взрывателя, от времени проржавели и под тяжестью ежегодных снегов оборвались, но безопасной мина не стала. Пришлось заставить перепроверить весь участок взвода. Надо бы в нерабочее время, но повышать физическую и нервную нагрузку минёров нельзя. Принял к сведению, что куст со времени войны разросся и прикрыл мину. А старшего лейтенанта Рохтметса иногда спрашивал: «Ну, как там у Вас обстановка под кустами?» Вижу, что злится, но вида не показывает. Эстонская выдержка.

Реактивный зигзаг

На участке старшего лейтенанта Пильпукса обнаружили реактивный снаряд. Пильпукс решил подорвать его сам. Вообще-то в отряде разминирования был установлен такой порядок, что все работы по уничтожению взрывоопасных предметов офицеры производят лично. Но Пильпукс, оказывается, не знал особенностей устройства такого типа снарядов. Подрывной заряд он положил на хвостовую часть снаряда, где расположен пороховой двигатель. При взрыве подрывного заряда он сработал, порох детонировал, взорвался и стал с ускорением двигаться реактивный снаряд.

Он оторвался от земли, взлетел, наращивая скорость, а так как взлёт произошёл не с направляющей станины боевой машины, а с земли, то и полетел он неуправляемо зигзагами куда попало. Хорошо, что при подрыве снаряд лежал головной частью в сторону от населённых пунктов, туда же было и направление полёта, и беды не случилось. А упал снаряд и взорвался от удара о землю своим боевым взрывателем, находящимся в головной части, примерно в полутора-двух километрах от места работы минёров на совхозном поле, где в это время никто не работал.

Пильпуксу надо было положить на снаряд два подрывных заряда: один на головную часть, где находится взрыватель, а второй на середину хвостовой части, где находится пороховой двигатель, и взрывать их одновременно с помощью детонирующего шнура, а не обычной зажигательной трубкой.

У меня была проблема: как объяснить (и нужно ли) солдатам, что ими командует не подготовленный по специальности офицер?

Бог помог

Разбитую наполовину церковь в эстонском городе Нарва пришлось восстанавливать реставраторы. Но работы пришлось остановить: в толстой кладке стены из калёного кирпича обнаружили невзорвавшуюся бомбу. Впилась она в уже разрушенную ранее часть стены крепко – только стабилизатор торчит наружу. Удалять, слов нет, надо. Но как? Можно выдолбить различной длины зубилами вместе с частью стены вокруг бомбы, однако возникает проблема, как удержать ее в конце работы, ведь она вошла в стык двух капитальных стен почти вертикально, а вес 50 кг. К тому же нам не известно, есть ли боковые взрыватели. Не сработают

Командир отряда разминирования П. Лоснов (крайний справа) ставит задачу командирам групп, г. Нарва, Эстония, 1960 г.

ли они от сотрясения? И, наконец, как спустить такой большой и опасный груз с высоты около 20-ти метров?

Самое простое и правильное решение – взорвать бомбу на месте, в стене. Но вокруг жилые кварталы, а высота местоположения авиабомбы лишь увеличивает разлёт осколков, и, следовательно, возрастает опасность для населения.

Создавшуюся ситуацию обсудили с представителями местной власти, милиции, реставраторами. Решили так: авиабомбу взрывать на месте, население из ближайших домов в радиусе вероятного разлёта осколков выселить, организовать плотное оцепление сотрудниками милиции, о месте и времени взрыва неоднократно объявить населению через все возможные средства информации.

Перед подрывом авиабомбы проверяю оцепление. У одного поста плачет женщина. О чрезвычайной ситуации узнала только по пути на работу, а дома остались двое детей, как бы они не вышли в опасный момент. Разрешил ей забрать детей.

Взрыв прошёл успешно. Жизнь города продолжалась.

Рука судьбы

Буквально накануне я провел со школьниками посёлка в эстонском совхозе Синимяэ беседу о действиях при обнаружении взрывоопасных предметов и надеялся, что буду услышан. А зря. 12-летний Серёжа Тихонов нашёл то, что хотел, а именно 23-мм зенитный снаряд, похожий на большой патрон. Обрадовался, тут же забыл, о чем я говорил совсем недавно, и одолело его любопытство: что же там внутри этого патрона? Хотел вытащить руками пулю из гильзы – не получается, попробовал постучать молотком легонько, но понял, что опасно. Применял разные приёмы – ну никак! Наконец, он вставил снаряд в щель между створкой двери и дверной коробкой. Снаряд вошёл в щель плотно. Он стал раскачивать снаряд сначала медленно, потом всё сильнее и сильнее, в результате чего тот разогрелся так, что порох внутри гильзы вспыхнул, и произошёл взрыв.

Кисть правой руки Серёжи была изуродована, осколками поранены лицо и грудь. Месяца два его лечили в больнице. Вернулся, включился в детские игры, стал приспособливаться к жизни. Пошёл на пруд ловить карасей. Началась сильная гроза, молнии рассекали небо, и одна из них ударила в мокрое удилище Серёжи и разрядилась на нём.

Смерть Серёжи была мгновенной.

Риск

*А вот ещё история, напоминающая
о далеком прошлом.*

Мы вели сплошную очистку от взрывоопасных предметов острова Сааремаа в Эстонии. Однажды в отряд разминирования приехала директор школы № 2 из города Кингисеппа и сообщила, что в двадцати метрах от здания школы при рытье траншей для водопровода рабочие обнаружили снаряды. Работа остановлена.

Лето, каникулы, детей в школе нет. Действительно, в траншее 76-миллиметровые снаряды времен Первой мировой войны. С помощью милиции организовал оцепление места работ, прекратил доступ к школе. Подорвать снаряды на месте, конечно, можно, но крайне нежелательно: пострадают здание школы и близлежащие дома, нужно отселять население, а куда, и, главное, на какой срок, пока не известно. Сколько снарядов в земле, сказать невозможно, так что пока ограничимся охраной места работ, прекращением движения транспорта и людей в опасном районе.

Население заволновалось, появились любопытные. Ими занималась милиция, а я со своими сапёрами-минёрами приступил к извлечению снарядов, что было не так уж просто. Грунт – спрессованная галька, без лома и кирки не разрушишь, а с силой ударять нельзя: опасно. Пришлось в основном пользоваться штык-ножом и заточенным куском арматуры. В этих условиях допустить солдат к извлечению снарядов боюсь, у них опыта мало, лучше уж я сам.

Снаряды обнаруживаются снова и снова. Сколько их там? И все без взрывателей, а где же они? Полагаю, что лежат поблизости отдельно. Значит, обстановка ещё серьезнее. Тем более надо работать одному, пусть солдаты только отно-

сят в сторону извлеченные снаряды да отгребают от меня отработанный грунт. Видимо, это всё-таки склад боеприпасов, а батарея располагалась рядом. Значит, взрыватели тоже где-то тут. Только бы не ударить в них штык-ножом.

Выскребываю грунт уже руками, а снарядов меньше не становится. Жара, шум в голове, мучительно болят руки. Обнаружил проржавевшие провода, значит, склад готовился к подрыву, значит, и взрыватели здесь. И, действительно, спустя несколько минут я их нашёл, но в каком виде! Полуразрушенные ржавчиной, местами позеленевшие от образовавшихся пикратов, особо опасных взрывчатых веществ. Радуюсь, что не дал работать солдатам. Так спокойнее. У меня уже дети есть, а у них всё в будущем.

Итог: 272 снаряда и примерно такое же количество взрывателей, сосчитать которые из-за разрушения было невозможно, трое суток работы, многие кубометры перевёрну-

того моими ободранными и кровоточащими руками грунта и спасённая школа.

Взрывали свои трофеи на берегу моря. Взрыватели мгновенно превратились в прах, а снаряды с картечью лишь только раскалывались на куски – взрывчатое вещество внутри них от времени и других причин потеряло свои взрывные свойства.

Да, всё-таки нелегка служба офицера-сапёра, а мне другой и не надо было, хотя я долгие годы воевал, – воевал с прошлым.

*Капитан Лоснов П. Н.
на разминировании в Эстонии*

Сапёры-пожарники

Совсем недалеко от города Таллина стали разрабатывать торфяное болото, через которое во время войны немцы проложили насыпную грунтовую дорогу от артиллерийских складов, названных, как и болото, Мяннику, до шоссе Таллин – Пярну.

Когда советские войска начали активное наступление на город, немцы приступили к эвакуации боеприпасов из складов по построенной ими дороге. Что-то они успели вывезти, что-то подорвали, а когда наши войска создали угрозу перекрытия выхода на Пярнуское шоссе, то несколько машин с уже подготовленными к стрельбе унитарными зенитными снарядами немцы разгрузили и побросали в болото вдоль дороги. Долго эти снаряды там лежали и обнаружили только тогда, когда началось осушение болота и добыча торфа. Работу на болоте прекратили, теперь за дело взялся взвод сапёров, а руководство возложили на меня.

Снаряды вытаскивали из торфа, складывали на обочину дороги, затем грузили в бронетранспортёр на подготовленную песчаную подушку. Я с несколькими сапёрами отвозил снаряды на стрельбище и взрывал. Дело шло к концу. Начался нудный осенний дождь. Все уже промокли. Приехал я со стрельбища за очередной порцией снарядов, а меня ждал сюрприз. Оказалось, командир взвода приказал последнюю партию подорвать на месте, чтобы ускорить возвращение домой.

Спрашиваю, почему он нарушил установленный мною порядок? Отвечает, что пожалел солдат: они промокли, замёрзли, голодны. Значит, он добрый, заботится о солдатах, а я изверг, самодур, моим распоряжениям можно не подчиняться. Но это уже не армия! Каюсь, устроил ему разнос

и показал на торфяное поле, а по нему то тут, то там появились маленькие дымки. Горячие осколки снарядов мгновенно высушивали вокруг себя торф, и он начинал тлеть.

Я чуть ли не в панике, ведь процесс может уйти в глубину, и тогда торфяной пожар может длиться месяцами, и тушение его потребует огромных сил и средств. К тому же болото находится на границе большого города, и при попутном ветре население будет задыхаться от дыма.

Средств пожаротушения у нас нет. Приказал солдатам выкапывать каждый пока ещё маленький очажок возгорания и выносить на песчаную обочину дороги, где и затапывать. Не успеешь погасить в одном месте, дымит в другом. Объясняю, что уходить нельзя, пока не загасим, слишком тяжелы последствия для города и позор на наши головы за такую работу.

Кажется, поняли. Делают всё быстро и так, как я сказал.

Все очаги потушили к 12 часам ночи. От усталости валялись с ног, и никто уже не думал ни о дожде, ни о голоде, ни о холоде. Сильно обиделся я на командира взвода. Но наказывать не стал, видел, что эта ошибка врежется ему в память на всю жизнь. Я ведь, получается, тоже недостаточно чётко поставил ему задачу. Командир должен многое предвидеть.

Горе-минёр

1960 год, Таллин. Прихожу на работу, а у кабинета меня встречает офицер милиции. Удивился. Вроде бы никаких противозаконных действий я не совершал. Оказалось, что закон нарушил другой человек, даже не военный, а гражданский. Прибывший офицер цель своего прихода объяснил так.

В отдел милиции обратилась гражданка и рассказала, что, возвращаясь с работы домой и открывая дверь калитки в заборе вокруг частного двухэтажного дома, в котором проживает вдвоём с мужем, слышала над головой в арке калитки щелчок. Подняла голову и увидела какой-то предмет, которого раньше не замечала. Домой не пошла, а обратилась в отделение милиции. Прибывший с нею к месту событий наряд милиции действительно увидел под аркой посторонний предмет, соединённый тонкой проволочкой с дверью. Проволочку обрезают, предмет отсоединили и принесли в отделение милиции. Мы просим вас определить, что это за предмет и дать заключение, опасен ли он для жизни человека.

Офицер милиции развернул газету и положил предмет на стол. Не буду описывать увиденное устройство, чтобы не вызвать у кого-либо желание сделать такое же. Предупредил офицера милиции, что я не эксперт, что более грамотно дадут официальное заключение в другом месте, но предварительное заключение могу сделать. Устройство изготовлено в домашних условиях, не специалистом взрывного дела, не способным рассчитывать взаимодействие деталей. Из-за неверного расчёта взрыв не произошёл, но сам предмет взрывоопасен и может послужить причиной гибели человека.

Впоследствии выяснилось, что изготовил и разместил устройство муж, пожелавший избавиться от бездетной жены

и получить в наследство дом, принадлежавший на праве собственности супруге. И всё же ему повезло: судили не за убийство, а покушение на убийство!

Потерял жену, дом, свободу.

Не делай, как я

Подумал, писать об этом или не стоит, но всё же решил – надо. Пусть послужит уроком для других, как не надо делать.

Заболел шофёр, работавший на специальной машине, подготовленной для перевозки взрывоопасных предметов. Отправил его из отряда в часть, а взамен прислали другого. И вот однажды в лагерь пришёл тракторист эстонского совхоза в Синимяэ, где мы проводили очистку полей, и сообщил, что только что перепахивал заброшенный участок поля и плугом выворотил из земли снаряд. Сразу заглушил трактор и пришёл сообщить нам.

Вызываю нового шофёра и объясняю ему, что надо ехать со мной и, возможно, придётся перевезти снаряд для подрыва в другое место. А он категорически отказался, несмотря на все мои уговоры и приказания. Спрашиваю, почему же он не отказался ехать в отряд разминирования ещё в воинской части? Отвечает: не знал, что ему придется перевозить ржавые снаряды.

Разговор был долгим, нудным и бесполезным. Пришлось забрать у него ключи от машины и сесть за руль самому. Все остальные минёры были заняты на своих участках, не хотелось их отрывать от выполнения задач. Получил на складе взрывчатые вещества, средства взрывания и поехал.

Действительно, на пахоте оказался артиллерийский снаряд калибра 100 мм. Указал трактористу место, куда он должен отогнать трактор и где до взрыва должен находиться сам. Свою автомашину остановил на полевой дороге метрах в 80-ти от найденного снаряда. Поле хорошо просматривается на большом расстоянии, посторонних нет, решил уничтожить след войны на месте.

Подготовил зажигательную трубку с таким временем горения, чтобы успеть до взрыва дойти до машины и даже ещё немного отъехать, и поджёг шнур. Подошёл к автомашине, стал заводить мотор, а он не заводится! Ну, думаю, ладно, расстояние всё-таки большое. Вышел из кабины, поднял капот посмотреть, почему не завёлся мотор, и тут раздался взрыв. Разлёт осколков оказался дальше, чем я предполагал, и один из них ударил в капот машины прямо над моей головой, но не пробил его, а лишь сделал вмятину. Какая же вмятина была бы в моей голове, если бы осколок попал в неё? Конечно, о своей беспечности я никому не сказал, а выводы сделал на всю жизнь: оставляй машину на расстоянии дальше вероятного разлёта осколков!

А шофёра прислали другого, настоящего солдата, понимающего, что он обязан выполнять важную, крайне необходимую для людей работу.

Будущие герои

Начало марта 1954 года, Группа Советских войск в Германии. В танковом полку, где я служил командиром отдельного сапёрного взвода, проводились показательные учения. Отрабатывались действия танкового полка на марше и наступление с ходу на хорошо подготовленную оборону «противника». Как обычно на марше, впереди идет разведка, в которую включается несколько сапёров, за нею следует отряд обеспечения движения. Практически это сапёрный взвод со своим вооружением, имуществом, элементами двухпролётно-голевого моста. Сейчас его успешно заменяет танковый мостоукладчик, – техническое оснащение инженерных войск значительно выросло, – а тогда приходилось думать, как преодолевать водные преграды танками с помощью различных подручных средств.

Повторюсь – учения показательные. На них съехалось много командиров соседних частей, представителей других родов войск, посредников по разным направлениям, руководство учениями и начальники над ним. Это повышало ответственность за качество учений.

При инженерной службе полка посредником был назначен дивизионный инженер подполковник Кичёв Павел Васильевич, грамотный уравновешенный офицер с большим опытом боевых действий Великой Отечественной войны.

При подходе к очередному каналу шириной 8–9 метров, который танки без устройства переправы преодолеть не могли, Кичёв дал вводную: «Мосты на канале взорваны!». Полк практически встал. Передовой отряд в составе танкового батальона развернулся и в ответ на огонь «противника» открыл стрельбу по обнаруженным целям на противоположной стороне канала.

Под огневым прикрытием сапёры моего взвода быстро приступили к постройке двухпролётного колейного моста через канал. Провели инженерную разведку места постройки и лежа водоёма, установили с исходной стороны береговой лежень, а когда стали устанавливать промежуточную рамную опору, дело застопорилось. Никак не хочет она вставать на грунт посередине канала без перекоса по его оси.

Сапёры занервничали. Все попытки исправить положение заканчивались неудачно. Тогда командир отделения сержант Игнатьев, показывая рукой на канал, спросил: «Кто со мной?». Вызвались несколько человек, но он сказал: «Только один!» и выбрал рядового Степанова, физически крепкого солдата, отличного спортсмена.

Было ещё холодно, снег только начинал таять, но лёд в канале уже растаял, уровень воды несколько повысился, и течение стало быстрее.

Раздевшись, ребята бросились в холодную воду и взялись с двух сторон за установку рамы. С берега сапёры помогали им прибитыми к раме жердями. Минуты не прошло, как рама встала на положенное место. Жердями её зафиксировали, и всё пошло привычным порядком. Уложили колеи, и танки двинулись по мосту на другой берег.

Я не стану описывать весь ход учений, над организацией которых работало много людей, скажу только, что полк успешно выполнил поставленную задачу.

Посредник подполковник Кичёв П. В. дал сапёрному взводу отличную оценку, а командир полка подполковник Комаров предоставил сержанту Игнатьеву и рядовому Степанову краткосрочные отпуска на Родину. Они это заслужили.

Именно вот из таких парней, в самый нужный момент действующих по призыву сердца в интересах других, и рождаются герои.

Строительный марафон

Летом 1956 года вызвал меня командир инженерно-сапёрного батальона майор Марецкий и приказал мне с ротой выехать в город Франкфурт-на-Одере в танковый полк, встретиться с командующим 25-й армией генерал-полковником Чижом и получить от него задачу. Часть своей роты пришлось оставить для несения внутренней и караульной службы.

Генерал-полковник Чиж подвёл меня к стоящим на окраине военного городка четырём казармам, только что построенным и незаселённым, каждая вместимостью 250 человек, и приказал по их образцу построить за 15 дней пятаю. Пояснил, что в определённый срок ожидается прибытие молодого пополнения из России, которые должно до распределения пройти здесь карантин, но помещений недостаточно. В качестве строительного материала можно использовать брошенные дома в бывшем лагере за 15 км от военного городка. Приказал мне за 2 часа составить заявку на всё необходимое для стройки и подать ему. Ещё сказал, что за выполнение задания точно в срок весь личный состав роты будет награждён ценными подарками. И заключил, что не хотел бы оказаться на моём месте, если в срок не уложусь.

Молодой амбициозный офицер, я и подумать не мог, что не выполню приказ. Но как? Сам я сапёр, минёр, подрывник, а строить обучен только мосты и фортификационные сооружения. В роте строителей нет.

По моей заявке поздно вечером прибыли автомашины, пилорама, передвижная электростанция, различный инструмент. Убедил солдат, что ни о каком распорядке дня речи быть не может, кроме определённого времени на приём пищи и короткий отдых – работа днём и ночью. Большой отдых дам только после выполнения приказа.

Спасибо солдатам, они меня поняли и не подвели. Проекта здания нет, но есть готовые казармы, времени дано мало, но есть отличные солдаты, усвоившие правило: надо – сделаем. Пилорама работала день и ночь. Электростанция освещала ночью место работ, электропилы и электродолбёжники ускоряли дело. Работа шла круглосуточно, лишь к утру засыпали прямо на месте на пару часов, благо стояла тёплая и не дождливая погода. Забыли, что нужно бриться, не было банного дня. Одежда стала грязной, а у многих и порвалась. Но по приказу командующего солдатам выдавался хороший доппаёк.

Через 13 дней принимать работу приехал начальник штаба армии полковник Абросимов и увидел, что всё готово, казарма построена, а личный состав занимается благоустройством её и территории. Приказал мне построить роту. Я попросил у него немного времени, чтоб хоть слегка привести солдат в порядок, но он пошутил: «Золото и в грязи блестит!» и спросил, сколько человек у меня работало? Отвечаю, что 4 офицера и 48 солдат и сержантов.

Построил я роту, а на солдат глядеть больно, вид не для построений. Доложил, как положено, а Абросимов подошёл ко мне, обнял и по-простецки сказал: «Спасибо, парень!». Надо ли говорить, как я был растроган этими словами, гораздо больше, чем врученными мне часами. Потом ценные подарки были вручены всему личному составу роты.

Прошли многие годы, но память об этом строительном марафоне не покинула меня.

Сапёры-плотогоны

После успешного строительства казармы во Франкфурте я со своей ротой был вызван в штаб армии в г. Эберсвальде, где от имени командарма мне поручили строительство служебного здания на аэродроме в г. Финов. Материалы нужно было брать из сносившегося немецкого концлагеря.

Задачу выполнили, вернулись в свою часть, но ненадолго. Снова вызов в г. Эберсвальде и новое задание: построить здесь трибуны открытого стадиона, для чего километрах в ста от города была выделена делянка строевого леса, который надо было заготовить и перевезти к месту строительства. Снова потребовались пилорама, электростанция и инструмент. Заготовку лесоматериала закончили быстро. Встал вопрос о его доставке на объект.

Был у меня в роте солдат по фамилии Ретьман, родом из Прикарпатья. В армию его призвали почему-то позже других, и выглядел он взрослым, мощным, сильным, настоящим мужиком. С детства он с отцом гонял плоты по бурным рекам Прикарпатья. Он и предложил мне идею: связать большой плот и сплавить его по реке Темплин ближе к месту нашей стройки, но так как течение реки медленное, то для буксировки нужен катер. Сравнили расходы на перевозку брёвен автотранспортом и сплавом – выгода явно в пользу последнего. И всё-таки я самонадеянный авантюрист: едва ли кто-либо сплавливал по этой реке плоты. Сейчас без согласования с начальниками я вряд ли бы решился. Непременно задумался бы: а что, если плот застрянет в неудобном месте, куда не подъехать, чтобы его разобрать и вывезти? Но тогда был молод, хотелось опробовать новое дело.

Плот связан, катер БМК-90 пригнал из своей части и – вперёд. Вторая половина сентября 1956 года, в Германии

стояла очень тёплая погода. Я и несколько солдат расположились на плоту. Бойцы готовили обед. Сняли гимнастёрки, загорая, так сказать, принимаем солнечные ванны. Катер на малой скорости тащит наш плот. Вдруг один из солдат кричит: «Медведь!». И верно, по левому берегу реки, не торопясь, бредёт молодой медведь в возрасте около года. Кто-то бросил в него картофелину. Медведь проглотил её, принял это как знак приглашения к столу и поплыл к нашему плоту. Моя команда стремительно бросилась в воду и поплыла на другой берег. Кто-то кричит: «Товарищ старший лейтенант, стреляй!». Ну да, стреляй, когда мой пистолет вместе с гимнастёркой и портупеей на катере. Я тоже в воду – и за солдатами. Катерист, видя такое дело, направил судёнышко к берегу, выключил двигатель, а сам тоже к нам на берег. Плот стало медленно разворачивать поперёк реки. Медведь на нём хозяйничал: устроил шмон нашим продуктам, что-то съел, что-то раскидал и вскоре вернулся на свой берег.

С понесёнными убытками мы восстановили движение. Километра через два увидели у реки дом. Подошёл к хозяину, оказавшемуся лесником, и рассказал о визите медведя, предупредил об опасности, а он говорит: «Так он же ручной, домашний!». Ну и держал бы его дома! Говорить с лесником дальше было бесполезно, и мы продолжили путь, уже без приключений.

А вот стадион мы не построили, так как в связи с венгерскими событиями роту возвратили в свою воинскую часть и больше на стройки не вызывали.

«Хитрый» мост в Никеле

Первый секретарь Печенгского райкома партии Пьянков попросил командира дивизии полковника Безотосова А. И. построить деревянный мост через реку Колосйоки в посёлке Никель для создания более удобного выхода жителей посёлка в зону отдыха. В 1968 году так вот заботились о населении.

Просьбу решили удовлетворить, а строительство моста возложить на меня, в то время командира инженерно-сапёрного батальона. Я довольно много занимался строительством деревянных мостов и меня лично такая задача даже обрадовала, тем более, что все строительные материалы предоставляет комбинат «Печенганикель», а личный состав получит хорошую практику. Провёл личную разведку, набросал проект, который потом пришлось значительно изменить.

Строительство оказалось трудным. Дело в том, что в том месте река протекает как бы в глубоком каньоне, который в течение многих лет наполнялся поступающими с комбината промышленными грунтовыми разжиженными взвесями, отходами медно-никелевого производства. Зеркало воды в реке стало значительно выше, чем должно быть.

Строить можно только на свайных опорах, рамные и клеточные даже предположить было невозможно. Когда стали забивать дизель-молотом первую сваю, она вошла в наплывной грунт, как нож в масло. Нарастили сваю второй – та же история, отказа (это положение, когда при десяти ударах по свае она перестаёт погружаться) нет. Положение создалось такое, что хоть отказывайся от затеи строительства вообще. Но решил попробовать ещё один вариант, который ранее мне был не известен.

Вдоль сваи через каждый метр стали прибивать штырями бобышки – расколотые пополам метровые куски брёвен такого же диаметра, как свая. При забивке сваи перестали

«тонуть» в наплывном грунте, а вверх их не пускает грунт, давящий на бобышки. Дело хоть и медленно, но пошло. Если судить по военным нормативам, то мост длиной всего около 40 метров мы строили очень долго – целую неделю. Но ведь на такие условия и нормативов нет.

Закончив строительство, десять раз пропустили через мост танковый мостоукладчик МТУ. Ни в какой точке провисания не наблюдалось. Я был доволен инженерной находкой. Руководители райкома партии и комбината «Печенганикель» по достоинству оценили наш труд и подарили батальону комплект инструментов для духового оркестра. В дивизии появился единственный батальон, имеющий свой оркестр.

Меня всё время интересовало, сколько же прослужит мост моей необычной конструкции, и при встречах с никельчанами спрашивался о нём. Оказалось, что простоял он около тридцати лет, а потом был заменён железобетонным.

Двое в тундре

Я находился в командировке в посёлке Печенга. Решал служебные вопросы с командиром инженерно-сапёрной части. Неожиданно в Печенгу прибывает почти в полном составе штаб дивизии. Оказывается, объявлены штабные учения, начинающиеся здесь, и мне приказано участвовать в них. Как был, – в шинели и юфтевых сапогах, а время года – холодный март, так и поехал! Конечно, можно было позаимствовать и спецпошив, и валенки, но понадеялся, что и так сойдёт.

Выехали мы на учения на четырех ГТТ (гусеничный тягач тяжелый, вездеход). Учения прошли нормально, лишь один ГТТ вышел из строя. Разбор учений провели в домике связистов на старой Луостарской дороге, в 25 километрах от другого дома связистов на шоссе Мурманск-Печенга. При возвращении в Мурманск разместились уже в трёх вездеходах, но в начале движения вышел из строя еще один. С трудом упаковались в два.

Но если уж не везёт, так не везёт. Через пять километров осталась всего одна исправная машина, на которой с группой офицеров уехал командир дивизии, пообещавший прислать нам другой транспорт.

Оставшиеся офицеры стали решать: идти вперёд до следующего домика связистов, это около 15 километров, или возвратиться назад в покинутый дом. Только я и офицер оперативного отдела капитан Леонид Чепенко решили идти вперёд по следу ушедшего ГТТ, рассчитывая выйти на шоссе и уехать в Мурманск на попутной машине. Идём сначала нормально. Я, одетый легко, впереди, Леня Чепенко в спецпошиве и валенках сзади.

Светит солнце, слегка морозит, снег в колее плотный. Так, вполне бодро, с перекурами мы шли часа два. Но, как

часто бывает на севере, погода неожиданно стала портиться, небо нахмурилось, вскоре задул ветер, а из черных туч повалил снег. Начался буран. Следы ушедшей машины засыпало за считанные минуты, и нам ориентироваться стало не на что. Вся надежда – на моё знание местности.

Встречный ветер, пурга выхлёстывает глаза. Идем уже наугад по снежной целине. Мой напарник от усталости всё чаще садится в снег отдыхать, в тёплой одежде ему идти нелегко, и ругает меня, что уговорил его идти пешком. И я решил свернуть со старой Луостарской дороги влево и идти в сторону шоссе Мурманск- Печенга, ведь всё равно под ногами снежная целина, а так хоть в целом путь и увеличится, но бездорожье уменьшится, а на шоссе есть возможность сесть на попутку.

А с другой стороны, подумал, где же нас будут искать, если такая необходимость возникнет? И всё-таки решил идти напрямик, к шоссе. Пробивались мы через сугробы очень долго, а последние сотни метров уже не шли, а ползли. На шоссе лежали с полчаса, ждали попутку, но ни одна не появилась. Еще часа три, держась друг за друга, мы брели по заметённому шоссе к дому связистов, а попуток так и не было.

Солдаты напоили нас горячим чаем, мой товарищ по несчастью уснул. Через пару часов подошёл вездеход, присланный за оставшимися на Луостарской дороге офицерами, и мы уехали.

Быстрее у нас с Леонидом не получилось, а намучились, как никогда.

Север есть север, с ним надо считаться.

Роковые дни

Никогда не верил ни в какие приметы, но три опасных для жизни случая в одно и то же число в течение трёх лет подряд заставили задуматься.

30 декабря 1956 года в немецком городе Потсдаме мне нужно было забрать из мастерской отремонтированный дизельный двигатель. Одновременно решил организовать тренировку водителей по вождению бронетранспортёра. Обратно едем по автостраде, скользкой от гололёда. За 200 метров до съезда с автострады на шоссе приказал водителю Калиновскому сбросить скорость и приготовиться к правому повороту.

Скорость он сбросил, но недостаточно, а к повороту приступил. В результате пошёл БТР с насыпи под углом 45 градусов между автострадой и шоссе, по пути зацепил большую белую акацию, вырвал её с корнем, сделал в воздухе сальто и встал на колёса. Это был акробатический номер. Но главное, что никто не пострадал, хотя в кузове под брезентом было несколько человек. Лишь у меня осталась ссадина на предплечье, да разбилось стекло на часах «Дельбана», подаренных маршалом Жуковым. У БТР разбита правая фара, сломана антенна и лежавшим в кузове отремонтированным двигателем порван брезент. Вот уж повезло так повезло.

30 декабря 1957 года я получил задание выехать в эстонское лесничество Аэйгвийду, осмотреть выделенную для вырубки делянку, а заодно привезти для войсковой части новогодние ёлки. Выехали втроем: я, шофёр и солдат. Задачу выполнили, возвращаемся по лесной дороге домой. На подъеме машину стало заносить вправо, а там обрыв около двух метров. Выбрались в левую сторону от машины,

осмотрелись. Правое заднее колесо почти полностью нависло над обрывом. Подкопали грунт и подложили камни под передние и левое заднее колеса, подсыпали под них песок, сделали подпорку под правое заднее колесо из кусков тут же спиленного дерева. За руль сел сам, у меня всё же спортивная подготовка получше, при неудаче выпрыгну. Дальше обошлось без приключений.

30 декабря 1958 года возвращаюсь на старой, уже давно подлежащей списанию автомашине ГАЗ-67Б с учений, которые я, недавно назначенный исполняющий обязанности командира инженерно-сапёрного батальона, проводил с одним из подразделений. При въезде в город Таллин с востока Ленинградское шоссе пересекала железная дорога, предназначенная для подвоза топлива на расположенную рядом ТЭЦ. Обычно движение здесь регулировалось семафором и шлагбаумом. На этот раз никаких запрещающих движение сигналов обозначено не было, и шофёр без задержки поехал через рельсы, а в это время справа из-за бетонного забора вышел локомотив, правда, медленно, но затормозить он бы всё равно не успел. Мой шофёр проехал в полутора метрах от него...

После этих случаев я взял за правило 30 декабря на автомашине никуда и никогда не выезжать. И, знаете, помогает.

Очень большая бомба

Эстония, 1965 год. Из Раквере сообщили, что при рытье котлована для нового здания в автопарке на окраине города обнаружена авиационная бомба. Посылаю для её уничтожения опытного сапёра капитана Яро Э. Э. Спустя несколько часов он звонит и сообщает, что не может единолично принять решение, просит меня приехать. Ну, если уж Яро просит, значит, дело действительно серьёзное, все другие надо отменить.

Прежде всего, мы осмотрели авиабомбу, по стабилизатору, частично выступающему из земли, определили её вес – 200 кг. Обнаружил её экскаваторщик. После захвата ковшом очередной партии грунта он увидел, что из осыпающегося края образовавшегося углубления показалось что-то нео-

Сапёры, проводившие разминирование в Эстонии в 1965 г.

бычное. Остановил экскаватор и, посмотрев внимательнее, понял, что перед ним авиабомба, и ему страшно повезло, что он не ударил по ней ковшом. А нам повезло, что грунт в этом месте оказался песчаным, и нам удалось очистить часть боковой поверхности авиабомбы для определения возможности закладки подрывного заряда по середине найденного боеприпаса. Обнаружили мы и боковой взрыватель, который увеличивал опасность. Почему бомба не взорвалась при падении, оставалось только гадать, но уничтожить её нужно только на месте, так как при попытке вытащить её краном она может взорваться. Авиабомбу мы оставили под охраной милиции, а сами переночевали в гостинице.

На другой день, как положено, нанесли визит в горсовет, туда же были приглашены некоторые заинтересованные лица. Я сообщил о создавшейся обстановке, представляющей реальную опасность для жителей города, объяснил, почему бомбу нельзя вывозить. Предложил подорвать её на месте направленным в сторону от города взрывом, а население из опасного района в радиусе вероятного разлёта осколков выселить, организовать оцепление и оповещение населения.

Кроме того, желательно собрать со всех строек города бракованные и ранее использованные железобетонные плиты и прикрыть ими по нашему указанию место подрыва со стороны города, что не допустит разлёта осколков или значительно его уменьшит. Автопарк должен временно прекратить работу. Со мной согласились.

В течение дня шла подготовка, а к вечеру авиабомбу успешно взорвали. Кстати, это уже вторая 200-килограммовая авиабомба, которую мне пришлось подорвать в Раквере и недалеко от него. Хотя никаких военных объектов в небольшом городе не размещалось. Видимо, это были вынужденные сбросы.

Необычный мост

Командующий Прибалтийским военным округом генерал армии Хетагуров приказал нашему инженерно-сапёрному батальону построить мост через реку Ягала в Эстонии, в котором очень нуждаются войсковые части при выходе из районов сосредоточения на шоссе. Для строительства нам была выделена деланка леса в районе Аэйгвийду.

Организовали команды по заготовке леса, по перевозке его к месту строительства, распилке и заготовке элементов моста и другие. Но самым главным вначале было выполнить инженерную разведку ложа реки. А оно в месте строительства оказалось необычным: камень-плитняк был неровным, то поднимался чуть ли не до зеркала реки, то опускался до полутора метров, причём в разных направлениях. Сваю не забить – камень, раму не установить – неровное дно не позволяет.

Решили изготавливать фигурные клеточные опоры, основание которых соответствовало бы форме скального дна реки, и различные по высоте в разных местах. Если верхние брусья клеточной опоры по всей её пятиметровой длине монтировались из такой же длины брёвен, то нижние основания – из отдельных кусков брусьев в зависимости от сопряжённости с выступающими или понижающимися каменными выступами дна реки. Сделать такую опору, которая бы в любой точке плотно соприкасалась с каменным ложем реки, крайне сложно, и на это требовалось много времени.

Хорошо ещё, что течение в этом месте медленное. Но это была мертвая река. Дело в том, что выше по течению у города Кехра находился целлюлозно-бумажный комбинат, стоки от него издавали неприятный «аромат» и отравили в реке всё живое.

Ширина в месте постройки моста – около сорока метров. Водолазному отделению «срисовать», то есть вычертить профиль дна так быстро, как нам требовалось, не удалось.

Над проблемой установки опор думали все, вносились разные предложения, и коллективный разум нашёл нужное решение. По всей длине будущего моста натянули закреплённые на берегах провода, на них отметили центры опор. Мерной рейкой измерили глубины в разных точках расположения клеточной опоры, сделали чертежи, по которым и вели потом монтаж.

Труднее всего далась первая опора, хотя и самая близкая к исходному берегу. Её с трудом водрузили краном на место, но она всё равно кособочилась. Пришлось вытаскивать на берег и перестраивать основание, после чего она встала на место нормально. Дальше дело пошло лучше. Приобрели опыт.

Мост длиной 44 метра под нагрузку 60 тонн строили целую неделю, хотя и стремились выполнить задание быстрее. Для испытаний мы десять раз пропустили туда и обратно танковый мостоукладчик МТУ. Мост стоял твердо, никаких дефектов обнаружено не было.

Командующий Прибалтийским военным округом генерал армии Хетагуров прислал телеграмму с благодарностью всему личному составу батальона за успешное строительство моста.

Сапёры спасают танк

На Кольском полуострове проводились учения по подводному вождению танков с применением ОПВТ – оборудования по подводному вождению танков. Перед их началом взводом инженерной разведки инженерно-сапёрного батальона была подготовлена на одном из озёр трасса шириной 30 метров и длиной 130-150 метров необходимой глубины. Её обследовал с помощью легководолазного снаряжения водолазный взвод, убрали в сторону или подорвали на месте валуны и обозначили трассу кусками пенопласта.

Движение началось хорошо, все довольны умелыми, слаженными действиями танкистов. Спуск в воду был пологим, но уже через двадцать метров танки полностью погружались в воду и уверенно, не меняя направления, шли по трассе. Благостное настроение пропало, когда увидели, что очередной танк уже в начале погружения пошёл с уклоном вправо от оси трассы, а затем и вовсе оказался за её пределами. Наблюдая за движением танка по выступающей трубе ОПВТ, мы видим, что он вдруг резко остановился, дёрнулся назад, немного развернулся, потом ещё резко сдал на несколько метров назад, остановился и заглох. Через некоторое время из воды один за другим показались танкисты экипажа и поплыли к берегу, до которого было около двадцати пяти метров.

Выяснилось следующее. Механик-водитель ошибся и увёл танк с трассы вправо. Танк ударился правой стороной о валун, преодолеть который не смог. Поняли, что сбились с трассы и сдали назад, чтобы вернуться на неё, но снова ударились правой стороной уже сзади о другой валун. Двигатель заглох, завести его снова не удалось. Затем увидели, что то ли от ударов, то ли по каким-то другим причинам танк раз-

герметизировался, и в него стала поступать вода. Пришлось эвакуироваться вплавь. Хорошо, что недалеко, плохо, что вода холодная и обмундирование тяжёлое.

Командующий учениями офицер доложил о случившемся командиру дивизии, а тот позвал меня к телефону и приказал обеспечить эвакуацию затопленного танка. При этом резко высказал недовольство якобы плохо подготовленной нашими сапёрами трассой. Я хотел сказать ему, что эвакуация танков – дело ремонтно-восстановительного батальона, но сдержался, и правильно сделал, потому что вскоре к месту события пришёл тягач и доставлено все, что необходимо для эвакуации танка.

В дело вступили мои водолазы. Протянули вместе с сапёрами, помогавшими с надувной лодки, стальной трос, просунули его между танком и валуном. Попробовали тягачом сдвинуть валун, но трос не выдержал и лопнул. Так что это: валун или выступ скалы? Предложил ещё один способ. Другой танк с ОПВТ заходит по трассе чуть вперед и левее аварийного и останавливается. Водолаз соединяет их танковым тросом, после чего обе машины идут немного вперед. Теперь водолаз перецепляет трос спереди аварийного и сзади буксировщика. Так удалось обойти валун и вытащить аварийный танк на берег.

Наверное, мне не удалось наиболее понятно изложить процесс спасения танка, на деле же оказалось проще, хотя я и сам поначалу смутно верил, что всё так быстро получится.

Командир дивизии, убедившись, что нашей вины в затоплении танка нет, наградил командира взвода инженерной разведки часами, а командиру водолазного отделения, проделавшему всю основную работу, предоставил отпуск на 10 суток.

Нежданный гость

*(О незабываемой рыбалке,
голодном медведе
и пирожках с мясом.)*

История эта произошла в моей любимой Мурманской области давно, но запомнилась на всю жизнь. В перерыве одного из совещаний я похвастался командиру вертолётно-го отряда одной очень удачной рыбалкой. А тот скептически заметил: «Да не видел ты настоящей рыбалки, но если хочешь, я тебе такую возможность предоставляю». Ну, конечно, я не мог отказаться.

И вот в назначенный день я в вертолёте. По пути в посёлок Никель меня обещали высадить близ одного из озёр Заполярья, а на обратном пути забрать. И вот, пожелав мне удачи, вертолётчики высадили меня недалеко от берега и отправились в дальнейший путь.

Времени на рыбалку мне отвели немного, поэтому я тут же начал сверлить во льду лунку, от берега примерно метрах в шестидесяти-семидесяти. И, испытывая рыбацкое нетерпение (рыбаки поймут), сразу забросил удочку. Не успела блесна дойти до дна, как я почувствовал поклёвку. Есть! И уже первый красавец голец трепещется на снегу! А за ним и второй! Верный сложившейся привычке, я вытоптал в снегу, метрах в двух позади, площадку и начал, не оборачиваясь, бросать туда пойманную рыбу. Укладывать её в рыбацкий ящик, на котором сидел, было некогда. Клёв шёл непрерывно, и уже через 10-15 минут я почувствовал себя, как на промысле.

Не помню, сколько времени я вытаскивал из воды гольцов, этих сильных красивых рыбок, но, думаю, никак

не меньше минут сорока. Я уже перешёл грань рыбацкой эйфории и стал утомляться, как вдруг услышал сзади какое-то сопение и почувствовал необычный запах. Оглянулся.

Лучше бы этого не видеть! Мою рыбу жрал медведь! Меня охватило такое оцепенение, которого я не испытывал никогда, даже на фронте. Кажется, всё во мне замерло, не текла по артериям кровь, перестали работать сердце и лёгкие, сковало мышцы... И только едва-едва теплилось сознание. Первая мысль была: «Сейчас медведь сожрёт всю рыбу и возьмётся за меня. Сначала ударит лапой или сразу начнёт зубами рвать?». Защититься нечем, рядом только ледоруб.

Я военный, для меня смерть в полном расцвете сил, без боя – это позор. В общем, потихоньку начал оживать. Видимо, автоматически пошевелил рукой, потому что почувствовал поклёвку. Осторожно потянул за леску и вытащил из воды очередного стандартного гольца. А куда его? Бросить медведю боюсь, он же может отреагировать на это, как на нападение.

Но он, хоть и незванный, однако гость и пользуется моим столом. И решил я всё-таки гольца ему бросить, но немного в сторону. Реакция медведя была мгновенной – к счастью, он опять выбрал рыбу, а не меня. Схватил гольца на лету! Рыбалка продолжалась. Я ловил, он ел. Я молил всех святых, чтобы продолжался клёв. Авось прокормлю голодного гостя. Ведь прокормил же у Салтыкова-Щедрина мужик двух генералов, а тут всего один медведь.

Вспомнил, что жена, рассчитывая на большую компанию рыбаков, собрала мне большой пакет пирожков с мясом. Осторожно привстал, достал его из рыбацкого ящика и бросил медведю. Зверь схватил пакет сразу и сожрал пирожки прямо с полиэтиленом. А больше угощать его было нечем. Бутылку водки бросить побоялся: напьётся, точно полезет мною закусывать.

Долго ли всё это продолжалось, не знаю. Но вдруг чавканье и сопение замолкло. Я насторожился, подумал, что медведь готовится к нападению. Осторожно оглянулся, чтобы

встретить смерть, как и положено воину, лицом к лицу. А он стоит на задних лапах, повернувшись в ту сторону, куда улетел вертолёт. Затем зверь сначала медленно, а потом вприпрыжку направился к лесу. Оказывается, он гораздо раньше, чем я, слышал шум вертолёта, который раньше поднял его из берлоги. Признаться, вертолёт летел низко, рёв от него был тот еще...

Живой, здоровый, невредимый, я с неописуемой радостью встретил вертолётчиков. «Ну, как рыбалка?» – спросили. «Отлично», – ответил я. А когда показал следы медвежьего пира, их весёлое настроение тут же испарилось.

Дома жена спросила, понравились ли моим друзьям её пирожки. А когда я рассказал, кто их съел, расплакалась. С той поры уходить из дома на рыбалку стало значительно труднее. До сих пор жалею, что рассказал правду.

Вася Коротин

Начинал я военную службу в 1943 курсантом учебного батальона в городе Шуя Ивановской области. Служба была очень тяжёлая: постоянные учебные тревоги, пешие и лыжные марши, плохое питание, хроническое недосыпание. Тем не менее, наши молодые организмы, а нам было всего по 17 лет, всё же справлялись с этими трудностями, и мы постепенно крепили, мужали, овладевали военным делом и готовились к борьбе с фашистами.

Вскоре после моего призыва в армию заболел мой командир. Его уволили в запас, а вместо него назначили меня, хотя я ничем особенным от товарищей не отличался и даже был очень слаб физически. Конечно, как я теперь понимаю, командир из меня был в ту пору никудышный, но приказ есть приказ, начальству виднее, и мне даже в голову не пришла мысль отказаться.

И вот меня, ещё рядового, назначили в караул разводящим. Развожу смены, меняю часовых на постах, всё идёт, как положено. Но вдруг ближе к рассвету на посту у склада ГСМ раздался выстрел. Пост-то ничего существенного не представлял: несколько наполненных или пустых бочек и по соседству одна единственная автомашина ГАЗ-АА. Не помню, были ли в полку ещё автомашины, но точно знаю, что даже командир полка полковник Лукин ездил на пролётке с впряженным в неё красивым сивым в яблоках жеребцом.

Но я отвлёкся. Услышав звук выстрела, с дежурной сменной бегу на пост. Меня встречает часовой – курсант моего отделения Вася Коротин. Мы его называли «коротышкой», на самом деле это был массивный мужик ростом около 190 сантиметров, и как только он успел вырасти в такого ве-

ликана, ведь ему было всего 17 лет. Был он слегка простоват, учёба давалась с большим трудом. До призыва он успел закончить только 4 класса.

Пост был совершенно не освещён, даже луна скрылась за тучами, а от мелкого, нудного дождя становилось только темнее. Вот Вася Коротин стоит перед нами. На мой вопрос, почему стрелял, раз за разом твердит: «Я убил, я убил!». Спрашиваю, кого? Опять бормочет: «Я убил, там!» – и показывает направление. Подсвечивая себе фонариком, иду, куда указал Коротин и вижу лежащего жеребёнка, осматриваю его – уже мёртв. Требую объяснений. Тогда Коротин, несколько успокоившись, увидев, что убил не человека, рассказал: устав ходить вокруг поста, он присел на подножку автомобиля и уснул. Во сне увидел, что к нему подползает с ножом в руках фашист и вот уже хватает его за рукав и заносит нож, чтобы ударить в грудь. Коротин проснулся и действительно почувствовал, что кто-то тычется ему в плечо. Тогда он отскочил в сторону и выстрелил в «нападавшего», после чего убежал подальше. А «нападавшим» оказался жеребёнок, искавший в холодную дождливую погоду ласки у человека.

Коротина я сменил на посту, привёл его в караульное помещение, доложил о случившемся начальнику караула, а тот дежурному по полку.

Вася Коротин за сон на посту и убийство жеребёнка был осуждён военным трибуналом на 5 лет тюремного заключения, которое потом заменили направлением на фронт в штрафную роту. Показательный суд проходил в столовой нашего учебного батальона. Учили и его молодой возраст: всего 17 лет.

Процесс был всем уроком: на посту спать нельзя.

Морской дьявол

Самую западную оконечность острова Сааремаа называют Сяаре. Здесь располагается маяк, смотрителем которого служил много лет эстонец Юхан Юханович. Он хорошо говорил по-русски и просил называть его Ефим Ефимович. Так и будем.

Между нами установились добрые приятельские отношения. А сошлись мы с ним на любви к рыбалке: он потомственный рыбак, а я рыболов-любитель, отдававший почти всё свободное от работ по разминированию местности время рыбалке и охоте.

Ефим Ефимович запомнился мне своей внешностью на всю жизнь.

Выглядел он очень эффектно. Высокий, худой, загорелый до черноты, с длинными руками и давно не стриженными седыми волосами. Особенно бросались в глаза его узловатые большие кисти рук. Казалось, что он высечен из глыбы камня. Несмотря на солидный возраст, больше 60 лет, он был очень силен. Мои минёры за глаза звали его «морской дьявол», и должен сказать, что прозвище ему очень подходило.

Жил он на маяке одиноко. На однажды заданный вопрос о семье отмахнулся и ответил, что была. Видя его нерасположенность к разговору, я больше эту тему не поднимал.

Главным его занятием было, конечно, обслуживание маяка, но свободного времени оставалось много, и отдавал он его рыбалке.

Рядом с маяком в наиболее тихом затоне он устроил интересную конструкцию для ловли угрей. Отрезки полутораметровых труб он с одного конца забивал деревянными пробками с небольшими отверстиями для циркуляции воды, внутри

помещал приманку, а другие концы труб оставлял открытыми. Затем привязывал трубы к кольям, вбитым в дно затона. Угорь в поисках пищи залезает в трубу, а обратно вылезти не может и становится добычей «морского дьявола», который пойманную рыбу коптил в собственной коптильне, а затем отдавал кому-то на продажу.

Особенно много он ловил щук. Лишь только ветер подует с моря на берег и начинает гнать к нему планктон, за которым устремляется мелкая рыбёшка, а за ней и щуки, как «морской дьявол» уже спешит в море на своей старой деревянной вёсельной лодке с таким же старым спиннингом, скорее похожим на шест.

Я бы ни за что не поверил такому улову, если бы однажды он на моих глазах не привёз и не выгрузил на берег 110 щук. И всех поймал спиннингом, сетей у него вообще не было.

Восхищение и азарт охватили меня, и, взяв из машины спиннинг, я сел в лодку. Мой шофёр по фамилии Чульфа, грек по национальности, упросил взять его с собой. Юхан Юханович предупредил нас, что приближается гроза, и чтобы мы не уходили далеко в море. Отошли мы от берега не больше полукилометра. За короткое время поймал 11 щук, и это был мой личный рекорд.

Но небо стало резко хмуриться, ветер усилился, и мы погребли к берегу. Оставалось метров двести, когда хлынул проливной дождь, затем небо загромыхало, и начался шторм. Лодку кидает, как щепку. Течение усилилось, но не к берегу, а параллельно ему. Стараемся поставить лодку поперёк волны, но её всё равно несёт вдоль берега в открытое море. В довершение всех бед Чульфа выронил весло, которое мгновенно унесло на недоступное расстояние. Чульфой овладела паника. Этого ещё не хватало! Он кричит мне, чтобы я грёб сильнее, мечется в лодке.

Метров за пятьдесят до берега течение в сторону моря стало немного тише, и мне удалось уцепиться за берег на самом конце мыса Сяаре. Еще чуть-чуть – и нас кинуло бы

в штормующее море. Сил осталось только на то, чтобы вывалиться из лодки и развалиться на мокром песке.

К нам уже бежал «морской дьявол» с извинениями, что забыл сказать о том, что в шторм течение у мыса Сяаре меняется на параллельное берегу. Сообщил также, что пограничники уже готовили катер для перехвата нас в море.

Если вы думаете, что после этого случая я перестал ходить в море ловить щук, то сильно ошибаетесь.

На другой день я привёз Юхану Юхановичу две толстые доски для изготовления вёсел, которые он захотел сделать сам.

Охота на кабанов

Перелистывая страницы своей службы и жизни в Германии, не могу не вспомнить о своем увлечении охотой. До конца 1953 года офицерам не разрешалось ввозить в Германию семьи. Одиночество, отсутствие в жизни молодого человека любимой женщины, как я понимаю, не способствовали укреплению воинской дисциплины, да, в общем-то, и качеству боевой подготовки. Видимо, поняло это и высокое командование, и офицерам разрешили привозить на место службы семьи.

А в их отсутствие старались находить какие-то отвлекающие мероприятия, одним из которых было создание в воинских частях коллективов военных охотников. Организовали такой коллектив и в нашем танковом полку, располагавшемся в то время в городе Бранденбурге. Председателем охот-

После охоты с трофеями. ГДР, 1953 г.

коллектива, в который вначале вступило около десяти человек, избрали капитана Колокольникова.

Раньше я никогда не занимался охотой, но тоже решил попробовать. По совету товарищей в Потсдаме у мастера Кетнера заказал ружье 12-го калибра фирмы «Бюхаг Зуль», подогнанное по моей фигуре, и стал полноправным членом коллектива.

Очень хорошее место для охоты находилось в двенадцати-пятнадцати километрах от города Бранденбурга, где были хорошие поля, на которых водилось много зайцев, и озера с различными видами уток. Выезжали на такси, сразу оплачивали обратный проезд, и не было случая, чтобы получивший оплату немецкий таксист не приехал за нами в назначенный срок.

Успешной охота была всегда, потому что немцам в то время не разрешалось иметь оружие, поэтому они не охотились, и дичи развелось очень много. Даже я, плохой охотник, но, правда, хороший стрелок-перворазрядник, никогда не возвращался без добычи. Так как ощипывать уток и потрошить зайцев никто из нас не хотел, то всю добычу мы отдавали жителям ближайшей деревни. Чаще всего они нас отдаривали домашним вином.

Но вот в 1955 году меня перевели в военный городок Крампнитц в шести километрах от Потсдама. Строя различные сооружения на танкодроме, я обнаружил недалеко от него небольшое озерцо примерно шестьдесят на семьдесят метров и ведущие к нему кабаньи следы. Загорелся идеей накормить солдат свежей кабанятиной, нашёл сторонников среди членов организованного и здесь охотничьего коллектива.

К месту водопоя кабанов мы стали подвозить отходы с пищеблока, чтобы звери прикормились и не покинули это место, несмотря на грохочущие поблизости во время тренировок танки.

Вокруг этого озерка росли мощные сосны, на них я со своими сапёрами соорудил дощатые настилы-засидки. И вот пришло время охоты. С вечера в ожидании кабанов охотники

расположились с подветренной стороны на настилах-засидках, соблюдая полнейшую тишину. Едва забрезжил рассвет, кабаны смело двинулись к подброшенным нами отходам и к водопою. Всё было бы хорошо, но один из охотников, майор Белоконь, мощный 120-килограммовый мужчина, с вечера хорошо выпил, а ночью крепко уснул. Как только кабаны пришли к озеру, сосед Белоконя жахнул по ним из обоих стволов.

Майор Белоконь проснулся, сразу не сообразил, где находится, вскочил и рухнул с помоста вниз. И надо же такому случиться, – прямо на пробежавшего кабана, сломав ему хребет. Поднялся шум на всю вселенную. Свинья визжит, Белоконь кроет непечатными словами, страдая от полученных ушибов, остальные охотники, не понимая в темноте, что случилось, покинули свои засидки и бросились на истошный мат Белоконя. Разобравшись, зверя пристрелили, Белоконя успокоили. Охота закончилась.

Двух кабанов, один из которых – трофей Белоконя – на кухню привезли, и солдат свежим мясом накормили.

Долго в полку в различных вариациях рассказывали этот эпизод охоты на кабанов.

Шутки

Постоянные учения, полевые занятия, дежурства и другие повинности воинской службы выматывали силы, но в молодости они быстро восстанавливались, и их надо было как-то реализовывать и помимо службы. Семьи офицеров, как я уже упоминал, до 1953 года привозить в Германию не разрешалось. Офицеры проживали чуть ли не на казарменном положении в комнатах по 2-3 человека, а в квартирах по 5-8 человек. Вот из этих групп и создавались дружные коллективы со своим прочно сложившимся укладом жизни и быта, своими интересами и, можно сказать, шуточными, и, как правило, безобидными ритуалами.

Чаще всех подвергался шуткам уже упоминавшийся в одном рассказе майор Белоконь. Своей фигурой, огромным ростом, полнотой и весом, добродушным характером и неумением обижаться он просто вызывал желание подшутить над ним. Создавалось впечатление, что он, если и сердится, то только для вида.

Пришло как-то время Белоконю ехать в очередной отпуск в Россию. Тут уж без отгульной не обойтись, как и без очередных шуток и проказ. Но на этот раз мы с шуточкой, кажется, переборщили.

В то время в Германии продавались огромные, усиленные деревянными рейками чемоданы из прессованного картона, которые мы называли «Великая Германия». Купил такой чемодан и Белоконь. Накануне отъезда упаковал его подарками для семьи, затем накрыл стол с напитками и закусками и широким жестом пригласил нас.

Пока выпивали и закусывали, произносили речи о дружбе и уважении, наша братия незаметно положила в упакованный чемодан Белоконя огромную асфальтовую плиту, прикрыв её лежащими в чемодане вещами. Очень тяжёлый стал чемодан, однако мы надеялись, что Белоконь,

здоровый мужик, до дому его довезёт. Но судьба распорядилась иначе.

До вокзала Белоконь на такси довезли, в вагон чемодан за боковые ручки вдвоём занесли, распрощались и с нетерпением стали ждать дальнейших событий.

Возвратился Белоконь из отпуска через 45 дней ночью, распахнул все двери, дал команду «Подъем!» и, когда все встали, задал вопрос: «Кто?». Мы, конечно, сделали святые, не понимающие, в чём дело, лица и попросили его объясниться. Оказывается, в Бресте в вагон зашли таможенники и попросили предъявить документы и вещи. Белоконь спокойно открыл свою «Великую Германию» и, когда таможенник обнаружил асфальтовую плиту, оторопел. Его сняли с поезда и вежливо попросили следовать в таможенное помещение, где заставили дать письменное объяснение.

Плиту дробили в порошок, который исследовали в лаборатории. Было непонятно, зачем офицер в звании майора везёт в Россию из Германии в личных вещах, которые, кстати, тоже внимательно исследовали, огромный кусок асфальтовой плиты. Белоконь сослался на шутку товарищей, и его, задержав почти на сутки, отпустили.

Вскоре на имя командира полка было получено письмо от руководства брестской таможни с просьбой не усложнять их работу «шутками» офицеров полка. Но процесс уже шёл.

Заместителю командира роты управления по политической части лейтенанту Низковскому в красивую скатерть вложили библию на немецком языке.

А полковой балагур и шутник капитан Бусырин, когда поезд остановился в Бресте, встал в дверях вагона и закричал: «Носильщики! Все сюда! Есть еще носильщики? Все собрались?». Носильщиков собралось несколько человек. Они подумали, что едет большой начальник, у которого много вещей, и есть возможность подзаработать. Бусырин принял эффектную позу и произнёс речь: «Уважаемые товарищи носильщики! Вам привет от потсдамских носильщиков!». Взмахнул маленьким чемоданчиком и направился в привокзальный ресторан.

Шутки закончились, когда к офицерам приехали их семьи. Видимо, стало не до шуток.

Забывтый маршал

В 1956 году в Германскую Демократическую Республику на юбилейные торжества по случаю 80-летия первого президента ГДР Вильгельма Пика приехал Председатель Президиума Верховного Совета СССР Климент Ефремович Ворошилов. Что заставило его в один из дней вместе с Главнокомандующим Группой советских войск в Германии Маршалом Советского Союза А. А. Гречко и послом СССР в ГДР Пушкиным посетить нашу 10-ю Гвардейскую танковую дивизию, располагавшуюся в шести километрах от Потсдама, мне не известно, но около 8 часов утра его машина остановилась перед воротами нашего военного городка Крампнитц.

Растерявшийся от неожиданности дежурный по проходной хотел отдать рапорт, но К. Е. Ворошилов отмахнулся, давая понять, что рапорт ему не нужен, а приказал сесть в машину и отвезти его в учебно-танковый городок, что дежурный и выполнил. В учебно-танковом стрелковом городке К. Е. Ворошилова, конечно, никто не ждал, из-за внезапности никто никакой «показухи» не организовал, и оказалось, что делать ему там нечего.

Но весть о том, что легендарный Ворошилов в военном городке, распространилась быстрее, чем по тревоге, и жаждущие увидеть его военные, их жёны и дети высыпали на центральную дорогу, по которой, вероятнее всего, он поедет. Его появление встретили аплодисментами. Ворошилов вышел из машины и, сняв шляпу, раскланиваясь направо и налево, пошёл по середине мостовой. Все шли за ним до центральной площади городка, где на небольшой возвышенности стоял наш Дом офицеров, и попросили Климента Ефремовича выступить.

У Дома офицеров к Ворошилову подошёл с рапортом командир дивизии полковник Куркоткин Семён Константинович. У входа в Дом офицеров был установлен микрофон, Клименту Ефремовичу представили слово.

В своём выступлении К. Е. Ворошилов рассказал о политической обстановке, о роли наших войск в Германии и посоветовал, что у местного населения имеются нарекания по поводу недостойного поведения отдельных советских военнослужащих. Это нас удивило, потому что в нашей дивизии ничего подобного не отмечалось. Видимо, у него были сведения по другим частям. Далее он рассказал об отношении к нашим войскам во время Великой Отечественной войны со стороны населения освобожденных от фашистов государств Европы. Он сказал: «Вот когда я был в Болгарии, Румынии, Венгрии... Я тогда был...» и забыл, кем он был. Хотел обратиться за помощью к стоящему справа послу СССР в ГДР Пушкину, повернулся к нему и, видимо, тоже забыл или не знал его фамилию. На помощь пришёл стоявший слева Главком Группы советских войск в Германии Маршал Советского Союза А. А. Гречко и подсказал: «Пушкин!»

«Пушкин, кем я тогда был?» – во включенный микрофон произнёс К. Е. Ворошилов. В толпе оживление. «Председателем смешанной союзной Контрольной Комиссии», – напомнил Пушкин. «Да, – продолжил К. Е. Ворошилов, – когда наши войска входили в эти страны, то население радовалось и встречало их с цветами». Закончил он своё выступление призывом: «Я прошу вас изучать военное дело назубок».

После выступления Климента Ефремовича пригласили на завтрак в столовую Дома офицеров. В фойе на одной из дверей он увидел табличку с надписью «Комната боевой славы». «Посмотрим, какая слава у вашей дивизии», – сказал К. Е. Ворошилов. Войдя, он стал внимательно рассматривать портреты маршалов Советского Союза, а своего портрета не увидел.

Дело в том, что в начале года в издававшейся тогда «Иллюстрированной газете» были опубликованы портреты маршалов Советского Союза в новой, только что введённой маршальской форме. По этой публикации художник и написал портреты для комнаты боевой славы. А так как в это время К. Е. Ворошилов был Председателем Верховного Совета СССР и носил обычно гражданскую одежду, то новую форму не надевал, в ней не фотографировался, потому и в газете его не оказалось. Короче, о нём забыли.

Климент Ефремович очень обиделся, и виновным оказалось командование дивизии: «Как же так? Ведь я же старейший Маршал Советского Союза. Обо мне песни пели: И первый маршал в бой нас поведёт. А вы обо мне забыли». Разобиженный, он не стал дальше осматривать комнату боевой славы, не стал завтракать, покинул Дом офицеров и уехал. А с ним и его свита.

После этого события в дивизии чуть ли не на всех телеграфных столбах, благодаря заботе политработников, появились портреты Климента Ефремовича Ворошилова в маршальской форме, а под ними лозунг: «Маршал Советского Союза товарищ Ворошилов призвал нас изучать военное дело назубок».

Мы ожидали, что в отношении командира дивизии гвардии полковника Куркоткина Семёна Константиновича будут приняты оргвыводы, но обошлось без них. Этот умнейший талантливый офицер дослужился до звания Маршала Советского Союза и должности начальника Тыла Вооружённых сил СССР.

Ложная тревога

В конце 1953 года в Группу советских войск разрешили привозить офицерские семьи, и уже в январе следующего года в г. Потсдам с трёхмесячным сыном приехала моя жена. За время беременности и послеродового периода она сильно располнела. Посмотрел на неё мой начальник Павел Васильевич и сказал: «Это не лейтенантская, а генеральская жена – быть тебе генералом». А когда месяца через три увидел её, принявшую нормальный вид, то заявил: «Нет, не будешь ты генералом – у тебя жена лейте-

нантская». Он оказался прав, генералом я не стал, а с лейтенантской женой прожил 60 лет.

Выделили нам комнату в пятикомнатной квартире, в которой раньше жил один немецкий офицер, а теперь разместились четыре советских офицера с семьями. Начальник ветеринарной службы дивизии подполковник Савченко занимал две комнаты, так как у него было три дочери-школьницы.

Наш дом окружали вековые деревья, рядом находился всемирно известный парк Сан-Суси,

*Жена Валентина с сыном Володией,
г. Потсдам, ГДР, 1954 г.*

недалеко Русский парк, в котором располагался дворец Цецилиен-Хоф, где проходила Потсдамская конференция 1945 года.

Жили мы согласно, тихо, только на Савченко иногда обижались наши жены. То он им объявит, что в таком-то месте продаётся такой-то товар, по такой-то низкой цене, и убедит, что им нужно немедленно его купить. Они придут, а там понятия об этом не имеют. То на кухне начнет читать им длинные лекции о том, как надо правильно жарить котлеты и т. д.

В танковой дивизии ему явно было нечего делать, так как в ней не было никакого скота, лишь иногда приходилось проверять качество поступающей мясопродукции.

И вот однажды ночью меня, спящего праведным беспробудным сном, трясёт за плечо жена и говорит: «Вставай, Савченко сказал, что началась война». Я сначала подумал,

Первые шаги сына. ГДР, 1954 г.

что она так неудачно шутит, повернулся на другой бок, но она не отстаёт. Пришлось встать. Выглянул за дверь, а там, действительно, Савченко всех будит и создает панику. Спрашиваю его: «В чём дело?». «Слушай, – говорит, – орудия стреляют». Прислушался, действительно взрывы есть, но не артиллерийских снарядов, а от подрывов каких-то объектов, что потом и подтвердилось. Пользуясь ночным временем, когда снижается поток транспорта, взрывали фундаменты разрушенных во время войны домов у дороги.

Тревогу, объявленную подполковником Савченко, я, лейтенант, отменил и отправил всех спокойно спать.

Видимо, во время Великой Отечественной войны Савченко служил далеко от фронта, а в мирное время на стрелковых полигонах, где стреляют из артиллерийских орудий, не бывал. Да и тревогу объявлять без него было кому.

Юбилей

1 марта 1956 года мне исполнилось 30 лет. И надо же тому случиться, что именно на этот день командованием части было запланировано учение моей роты по ночному строительству моста. Напоминать о своём личном событии я никому не стал – служба прежде всего.

Поскольку на эти учения некоторая техника выводилась впервые, то для контроля за нею с нами выехал заместитель командира отдельного инженерно-сапёрного батальона по технической части майор Петров.

К вечеру 28 февраля мы сосредоточились после дневного марша у одного из искусственных каналов, которых в Германии очень много, оборудовали временный лагерь, поставили лагерные палатки, поужинали сухим пайком и устроились на ночлег.

Посередине ночи палатка, в которой спали офицеры, вспыхнула, в мгновение ока от неё остались только кольца, тлеющие веревки и чугунная печка, а мы оказались на матрасах под чистым небом. Оказывается, майор Петров слишком близко к печке повесил для просушки свои портянки. Высохнув, они загорелись, и в результате остаток ночи нам пришлось перекаптовываться в других палатках.

Таким было начало моего тридцатилетнего юбилея.

Днём 1 марта мы занимались обслуживанием техники, подготовкой к сборке двухпролётного колейного деревянного моста, инженерной разведкой, а как только стемнело – приступили к практическому занятию.

Сначала всё шло хорошо. Уложили с исходной стороны береговой лежень, с трудом установили промежуточную рамную опору. Таяние снега в том году в Германии началось рано, в канале усилилось течение, и оно препятствова-

ло установке опоры и её устойчивости на дне канала. Затем положили блоки первого пролёта моста и береговой лежень с противоположной стороны. А когда крановщик стал укладывать левый блок второго пролёта, то положил его в пазы первого с перекосом. Нужно было исправить положение.

Я встал впереди крана, на стропах которого был подвешен блок колен из десяти брёвен длиной пять метров и общим весом более тонны, и стал подавать крановщику команды и сигналы, чтобы он передвинул блок чуть-чуть влево. Но он, видимо, из-за нехватки опыта или темноты рванул блок так сильно, что он совсем вырвался из пазов и пошел назад, к крану, где я стоял. Торцом одного из брёвен ударило по моей левой ноге и прижало её к аутригеру (опоре) крана, после чего блок отошёл назад. Я шагнул в сторону канала, но нога уже не подчинялась. И лететь бы мне в канал, если бы старший сержант Винокуров не успел подхватить меня. Признаю, вина моя: неправильно выбрал место для управления работами. Стоять я уже не мог, а, значит, и руководить постройкой моста тоже, и меня отвели в машину.

Вскоре впервые в жизни у меня стала подниматься температура, и меня отвезли домой. Солдат помог добраться до квартиры. От боли я в эту ночь спать не мог, а утром увидел, что нога почернела от бедра до ступни. Вызвал санитарную машину и поехал в дивизионный лазарет, где сделали рентгенологическое обследование ноги и обнаружили в колене множественные внутрисуставные переломы и трещины. В наложенном гипсе я пролежал и проходил с костылём 49 суток.

Вот это юбилей! Даже рюмки вина выпить не удалось. Теперь у меня оба колена оказались травмированными: правое – осколком на фронте, левое – по глупости – в мирное время на учениях. Однако все хорошо закончилось, и случившееся не помешало мне служить в армии более 28 лет.

Листовки

Моя сапёрная рота занималась постройкой различных сооружений на танкодроме недалеко от Потсдама. Солдаты заметили подлетающий к танкодрому воздушный шар и доложили мне. Было известно, что американцы запускают из своей зоны расположения в Германии в сторону советских войск воздушные шары с листовками, но я лично увидел это впервые.

Над танкодромом из воздушного шара посыпалась масса белых листов. Погода была тихая, безветренная, и они точно падали на середину танкодрома, где, кроме сапёров, ещё занимались вождением боевых машин танкисты.

Мне было известно, что все найденные листовки следовало сдавать в особый отдел, и я дал команду своим солдатам их собрать. Это занятие надолго оторвало нас от основной работы. Тем же занимались и танкисты. Весь «урожай» мы передали старшему офицеру на танкодроме.

Но что представляли собой эти листовки? Кроме обычной пропаганды американского образа жизни и клеветы на Советский Союз, была напечатана карикатура: кукурузный початок, из которого вылезает лысая голова Никиты Сергеевича Хрущёва, в то время главы Советского государства.

Первое взыскание

За свою долгую жизнь я получил три взыскания и много самых различных поощрений вплоть до государственных наград, о которых говорить просто неприлично.

Все три взыскания получил во время 28-летней службы в Советской армии. А первое случилось в феврале 1945 года, когда в звании старшего сержанта служил старшиной 2-й учебной роты 1-го учебного батальона 193 запасного стрелкового полка в г. Шуя Ивановской области.

Командир роты старший лейтенант Кокряцкий Даниил Никифорович, добрейшей души человек, отпустил на неделю домой в Палехский район Ивановской области курсанта с интересной фамилией Молотов, который, вернувшись обратно в роту, привёз командиру роты бутылку водки. А так как того в это время в казарме не было, Молотов дал её мне для передачи командиру. Я положил её в грудной карман шинели, висевшей в каптерке на вешалке.

Через некоторое время ко мне в каптерку неизвестно зачем пришёл командир батальона капитан Алябьев, суровый, очень строгий и недоступный человек, и нечаянно рукой оперся на бутылку в кармане шинели. Вытащил её и спросил, что это означает. Я молчал, как партизан на допросе. Сослаться на командира роты совесть не позволяла, он и меня отпускал на побывку домой, добился моего назначения старшиной роты. Командир батальона, видимо, подумал, что я пьянствую.

В военное время всё решалось быстро. Уже на следующий день меня освободили от должности старшины роты, понизили в воинском звании до младшего сержанта и оставили служить в той же роте командиром отделения. Было обидно, стыдно перед сослуживцами, но не будешь ведь объяснять истину!

Пишу рапорта, прошу отправить меня с первой же маршевой ротой на фронт. Мне по непонятным причинам отказывают. Командир роты успокаивает меня, что со временем в должности старшины роты меня восстановят, чувствуется, что он тоже переживает за меня.

На фронт я всё же поехал, но уже не на запад, а на восток, на будущий Забайкальский, 12 июня 1945 года снова в должности старшины, уже маршевой роты, но всё ещё в звании младшего сержанта, и прослужил в нём около трёх лет. Звание сержанта мне присвоили в феврале 1948 года, а старшинский оклад 300 рублей в месяц получал вплоть до выпуска из военного училища в 1951 году.

Испытание машин

В дивизию прибыл для испытания в горно-болотистой местности северной части Заполярья новый образец гусеничного лёгкого артиллерийского тягача. Мне, вошедшему в состав войсковой комиссии, было поручено исследовать проходимость этой машины в самых трудных условиях. Машина оказалась соответствующей предъявляемым Крайним Севером требованиям, и я дал положительное заключение. На память об испытаниях механик-водитель попросил меня сфотографироваться перед ней. Машина была не секретной, вооружение на ней не предусмотрено, и я согласился.

Некоторое время спустя прямо с завода прибыли для войсковых испытаний сразу первых десять боевых машин

Испытание вездехода. Печенгский район Мурманской области, 1969 г.

пехоты (БМП), тогда ещё секретных, вместе с заводскими механиками-водителями, инженерами и конструкторами. Задача та же: определение возможности использования машин в северных условиях и принятия их на вооружение. Как специалист-практик инженерных войск, я также был включен в состав войсковой комиссии.

Испытания проводились больше недели на самых сложных участках местности. Поступали просто: на карте наносили линию направления и, придерживаясь её, шли на местности по ручьям, рекам, озёрам, болотам и высотам, исключая слишком высокие сопки.

Машина хорошая: новая конструкция гусениц обеспечивает скорость движения по грунтовой дороге до 80 километров в час, водные преграды преодолевает на плаву, имеет отличное для такого класса машин вооружение. Но мы отметили единственный недостаток: там, где заводской механик-водитель преодолевал болота сходу, наш, армейский, не имеющий такого большого опыта, в большинстве случаев застревал. И так на всех машинах. Недостатки нашли и другие специалисты.

Общий вывод войсковых испытаний: машина в основном хорошая, и при устранении некоторых замечаний может быть принята на вооружение в других регионах, но из-за недостаточно высокой проходимости по болотам принимать её на вооружение войсковых частей, расположенных в условиях Крайнего Севера, не рекомендуется. Представители завода с нами согласились.

На базе этой машины впоследствии было создано несколько модификаций, которые с успехом используются в войсках в других регионах.

Учения «Океан»

О предстоящих учениях мы узнали заранее, неожиданными они для нас не были, поэтому мы готовились к ним с особой тщательностью. Ну как же иначе? Ведь это первые учения с моряками Северного флота, и они интересовали нас своей новизной и необычностью. Шутка ли: учениями будет руководить сам министр обороны Маршал Советского Союза Андрей Андреевич Гречко!

Правда, до этого у нас было в дивизии одно тактическое учение с высадкой десанта из Лиинахамари на противоположную сторону Печенгского залива на десантном корабле Северного флота, окончившееся неудачей. Время приливов и отливов было рассчитано неправильно, и десантный корабль, немного не дойдя до берега, сел на мель.

Теперь тоже предстояло десантироваться с моря на десантных кораблях на западный берег полуострова Рыбачий, но уже пехоте Северного флота, а нашей дивизии прочно закрепиться на берегу и отразить нападение высаживающегося десанта «противника».

Части нашей дивизии в назначенный срок совершили марш из мест своего расположения на полуостров Рыбачий и, сосредоточившись в указанных районах, приступили к подготовке местности для обороны.

Офицеры управления дивизии, в том числе и я, были доставлены на Рыбачий морем на катере. По прибытии я сразу же встретился с полковником инженерных войск, представителем министра обороны, который поставил мне дополнительную задачу: построить наблюдательные пункты на земле и на вышке, представлявшей скорее помост размером около 20х4 метра и высотой около четырёх метров. С этого помоста руководителям учений будет удобно наблюдать

за приближением к берегу десантных кораблей и развитием боя на берегу.

Я отдал распоряжение командиру инженерно-сапёрного батальона о выделении для выполнения этой задачи сапёрного взвода. Фактически этой работой руководил сам представитель министра обороны, так как он лучше знал, что нужно министру, и обязан был это делать.

Я же на том учении выполнял обязанности начальника инженерной службы дивизии и должен был вносить командиру дивизии предложения по организации обороны побережья и следить за точностью исполнения командирами воинских частей его распоряжений. Кроме того, нужно было организовать эффектную имитацию боя на всех этапах его развития.

Так, например, я предложил установить на направлениях вероятной высадки десантов сигнальные мины, которые представляют собой обыкновенные ракеты со специальными устройствами для их установки на местности и проводочными растяжками. Такие мины опасности не представляют, а создают в сочетании с подрывом шашек зрелищный эффект имитации разрывов артиллерийских снарядов. Такие мины у нас были, и мы ими условные минные поля обозначили.

На вертолёте прилетели руководитель учений, министр обороны Маршал Советского Союза А. А. Гречко и главнокомандующий ВМФ Адмирал флота Советского Союза С. Г. Горшков. Вскоре они заслушали предложения начальников служб по обороне, а затем и решение командира дивизии на оборону побережья. Гречко его утвердил, после чего они с Горшковым о чём-то долго в сторонке беседовали.

Подошло время «Ч» – начала выдвижения десантных кораблей к высадке морской пехоты на полуостров Рыбачий. И вот они уже приблизились к мелководью. Корабли остановились. Морские пехотинцы бросились в холодную воду и устремились к берегу. Но здесь их уже ждал сюрприз: наше минное поле из сигнальных ракет. Когда морпехи, стрем-

глав, не глядя под ноги, рванули в атаку на наш передний край и начали цепляться за проволочки-растяжки, ракеты взлетали вверх, означая, что первая волна наступающих погибла на минном поле.

Руководству учениями стало ясно, что высадка десанта провалилась.

Маршал Советского Союза А. А. Гречко с высоты своего роста наклонился в Адмиралу флота Советского Союза С. Г. Горшкову и во всеуслышание высказался непечатными словами, смысл которых можно выразить так: «Ославились ваши морпехи!».

При разборе учений Маршал Советского Союза А. А. Гречко высоко оценил действия нашей дивизии, а Адмирал флота Советского Союза С. Г. Горшков лично вручил всему руководящему составу дивизии нагрудные знаки «За дальний поход» с подвеской «Океан».

Такой нагрудный знак был вручён и мне, и я с удовольствием ношу его, как единственную награду Военно-морского флота.

Содержание

От автора	7
На сопках Маньчжурии	8
Три танкиста	17
Полковник Городецкий	19
Эхо войны	24
Бигуди	25
По проспекту с музыкой	26
Минёры-спасатели	27
Дом на снарядах	29
Трагедия на реке Печенга	32
Неизбежность	33
А он всё дымит	34
Спасаем мост издалека	35
Пограничный инцидент	37
Учения у границы	40
Моя новая профессия	42
Корова и бомба	44
Беспечность	46
Реактивный зигзаг	47
Бог помог	48
Рука судьбы	50
Риск	51
Сапёры-пожарники	53

Горе-минёр	55
Не делай, как я	57
Будущие герои	59
Строительный марафон	61
Сапёры-плотогоны	63
«Хитрый» мост в Никеле	65
Двое в тундре	67
Роковые дни	69
Очень большая бомба	71
Необычный мост	73
Сапёры спасают танк	75
Нежданный гость	77
Вася Коротин	80
Морской дьявол	82
Охота на кабанов	85
Шутки	88
Забытый маршал	90
Ложная тревога	93
Юбилей	96
Листовки	98
Первое взыскание	99
Испытание машин	101
Учения «Океан»	103

Автор: Лоснов П. Н.
Редактор-составитель: Чеснокова Н. Н.
Фотографии из архива автора.
Фото на обложке: Лев Федосеев.
Отпечатано в ООО «Милори», 2016 г.